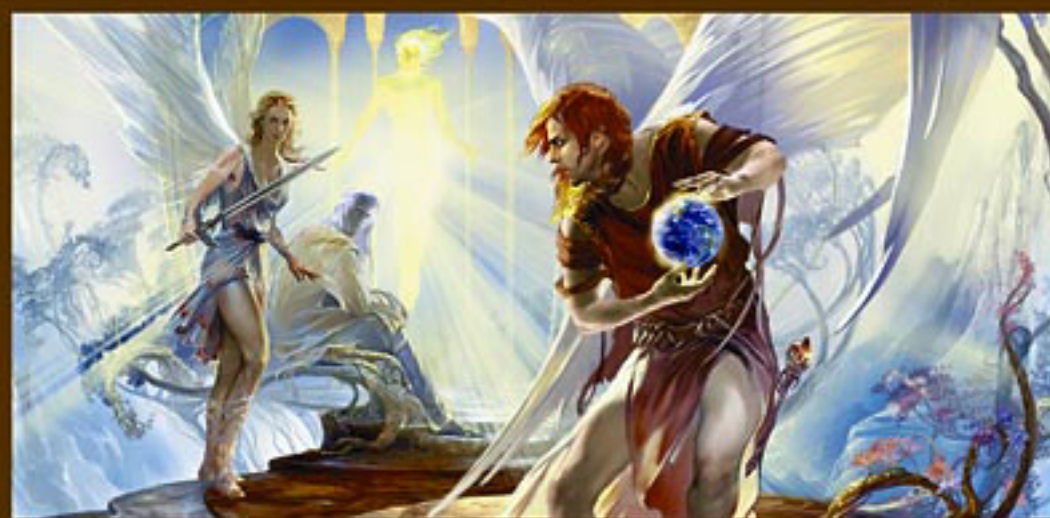

ЕЛЕНА БЫЧКОВА, НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА

• Лучезарный •

Рубин Карашэхра

Наталья Турчанинова

Лучезарный

«Автор»

«Автор»

2007

Турчанинова Н. В.

Лучезарный / Н. В. Турчанинова — «Автор», «Автор»,
2007 — (Рубин Карашэхра)

...Такие, как я, рождаются раз в тысячелетие. Поэтому неудивительно, что Хозяин сделал меня первым доверенным лицом, секретарем и нянькой в придачу. Знал бы я, чем это кончится, – сидел бы в самой глухой дыре Хаоса, не высываясь. Но, к несчастью, видеть будущее – не в числе моих достоинств. Так что все удары судьбы пришлось ощутить на собственной шкуре...

© Турчанинова Н. В., 2007

© Автор, 2007

© Автор, 2007

Содержание

Часть I	5
Глава 1,	5
Глава 2,	13
Глава 3,	19
Глава 4	24
Глава 5,	34
Глава 6	44
Глава 7	55
Глава 8	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Елена Бычкова, Наталья Турчанинова

Лучезарный

Часть I ХАОС

Глава 1, *в которой прошлое вдруг хватает нас за горло с новой силой*

– Гэл, осторожно! – Энджи крикнул, отражая атаку самого голодного, наглого калибана. Тварь зарычала. Отпрыгнув, увернулась от меча.

Мог бы и помолчать. Как будто без него не видно, что дело дрянь. Дурацкая ангельская манера думать сначала о других, а потом уже о себе! Никак не отучится.

Зверей имелось в наличии шестеро, на нас двоих. Не уверен, что они назывались именно так, как я сказал, но охоты разбираться не было. Длинные приземистые туловища на коротких лапах, острые когти, вытянутые морды. С языков капает голодная слюна, в маленьких глубоко посаженных глазках – жадность и нетерпение. То ли выродившиеся демоны, то ли помесь с каким-то местным зверем.

Преследовать нас они начали три дня назад, когда поняли, что мы зашли слишком глубоко в лес, чтобы повернуть назад. Сначала прятались в кустах, принимались, прислушивались. Потом осмелели. Позавчера мы лишились лошадей. А сегодня калибаны, видно, решили закусить их хозяевами.

Злобно рыча, они окружили нас, облизывались, втягивали широкими ноздрями воздух. Но одним запахом добычи сыт не будешь, а твари, похоже, были прожорливыми. Я понял, что вон тот, с наглой полосатой мордой, сейчас нападет на меня – он припал к земле, напряг задние лапы... и напоролся на мой меч. Рэймский клинок распорол лохматое плечо, глубоко вошел в грудь. На руку мне хлынула черная кровь, в воздухе запахло гнилью. Зверь, завизжав, грохнулся на землю, едва не вырвав оружие у меня из руки. Остальные завывали от бешенства или охотничьего азарта и бросились на нас все вместе.

Калибану, попытавшемуся отгрызть мне ногу, я перерубил позвоночник, увернулся от второго, поскользнулся в луже крови, упал на колено, но успел пригнуться. Зубастые челюсти щелкнули рядом с моим ухом, а я, схватив врага за горло, прежде чем он нацелился снова, воткнул меч ему в бок. Зверь, захрипев, рухнул на меня, поливая кровью из глубокой раны и едкой вонью. С трудом спихнув его с себя, я вскочил.

Энджи добивал последнего. Вполне профессионально. Без жалости. Вот, что значит хорошая демоническая школа.

Наконец, враг протяжно застонал, свалился на землю, дернулся пару раз и сдох. Забрызганный кровью с ног до головы, ангел опустил меч. перевел дыхание, огляделся. Встретился со мной взглядом.

– Ну, что ваша светлость, делаем успехи. А как же милосердие, все такое и прочие общечеловеческие ценности?

Он даже не нахмурился. Давно привык к моим легким подколам по поводу его морали.

– Ты бы предпочел, чтобы тебя сожрали? – Компаньон показал концом меча на труп с оскаленной пастью и стекленеющими глазами. – Их даже зверьми назвать нельзя. И кровь черная, как у...

– Как у меня. – Я взял дохлого калибана за хвост, с натугой приподнял. – Хочешь снять с него шкуру и сделать плащ из моего дальнего родственника? Или потомка.

Энджи брезгливо поморщился.

– Не болтай ерунду.

Я опустил зверя обратно на землю, вытер меч о его шкуру.

– Ладно. Идем. Пока еще кто-нибудь не захотел нами позавтракать...

Деревья вокруг казались мертвыми. Тонкие стволы с черно-серой корой были искривлены, изъедены лишайниками. Только на самой верхушке торчали жалкие пучки мелких листьев. Кое-где росли кусты ярко-зеленого папоротника.

Мы перебирались через кучи бурелома. Впереди, на расстоянии нескольких метров висела бледная влажная дымка – туман или испарения этой больной земли. Иногда ветер приносил стаи кусачей мошкар, сладковатый запах разложения и странные звуки, больше похожие на стоны привидений, чем на голоса зверей. Ноги по щиколотку проваливались в рыжий мох.

Кровь полудемонических тварей засыхала на моих руках и одежде. Мы воняли на весь лес, как целая стая калибанов. Вокруг вились жирные, наглые мухи, Энджи раздраженно мотал золотоволосой головой, отмахиваясь от них, и прибавлял шаг. Я начал почесываться – кожа под слоем грязи зудела.

Говорить не хотелось. Гнилые сучья, все время попадающиеся под ноги, раздражали меня, пейзаж наводил тоску, а Энджи со своим предчувствием, где надо искать Атэра, бесил. И когда мы, наконец, добрались до мелкого ручейка, бегущего по дну оврага, мое терпение уже давно дало глубокую трещину.

Я влез в воду прямо в одежде. Растянулся на дне, с наслаждением чувствуя, как прохладные струи смывают кровь и грязь. Вот уж, правда, несколько тысячелетий в обществе ангела кого угодно приучат хотя бы к минимальной чистоплотности.

Энджи умывался выше по течению.

– Думаю, они больше не сунутся, – сказал я громко, стараясь перекрыть плеск воды. – Мы их хорошо потрепали.

Ангел нечленораздельно промычал что-то в ответ. Похоже, соглашался...

Более-менее чистые, мы поднялись вверх по течению, набрали на сухую полянку и упали на траву. На сегодня наше путешествие было закончено.

Ночь наступила внезапно. Как будто кто-то наверху задул светильник. Несколько минут – и воцарилась полная темнота. Я сидел возле дерева, привалившись спиной к шершавому стволу. Лес скрипел, кряхтел, трещал птичьими голосами, булькал болотом, бормотал и завывал. Слушая эти звуки, я задремал...

Меня разбудила тишина. От земли тянуло холодом. Пахло сыростью, мокрой трухой, прелыми листьями. Сквозь ветви поблескивали звезды. Знакомые созвездия казались слегка перекошенными. Костер давно погас, но я отлично видел во мраке. Энджи крепко дрых, завернувшись в плащ. Если бы не тихое дыхание, можно было подумать, будто он умер. Или, как там у них говорят? Успокоился. Потому как по ангельским понятиям, отсутствие движения – это смерть. То есть покой.

Я не стал его будить. Хотя пора, сейчас моя очередь спать. Крошечная звездочка, в прежние времена сидящая на конце копыа Погонщика, скрылась в ветвях дуба. Раньше, пять тысяч лет вперед, она скользила над вершинами деревьев, не спускаясь ниже. Но, как говорит Энджи, мир изменился. Даже его созвездия кажутся чужими.

От глубоких ностальгических размышлений меня отвлек шорох и тень, мелькнувшая за деревьями. Незаметно положив ладонь на рукоять меча, я локтем толкнул соратника. Ангел резко вскинул голову:

- Что?..
- Кто-то бродит.
- Где?
- За теми деревьями.

Он сел, придвинул ножны, и стал всматриваться во тьму в указанном направлении. Не знаю, как у их светлостей с ночным зрением – но я-то отлично различал очертания деревьев, кустов и камней. Однако, косматая приземистая тень, мелькнувшая среди них минуту назад, больше не показывалась.

Энджи выпустил меч. Забавная у него появилась привычка, чуть что – хвататься за оружие. На меня насмотрелся. Еще бы. По-другому в демонском мире не выживешь. Раньше ангелок был более беспечен и надеялся исключительно на колдовство. Но теперь мы с ним оба магические калеки, поэтому приходится рассчитывать только на свои уши, глаза, ноги и спину. Вывозить на собственном хребте все неприятности, в которые мы мастера вляпываться.

Энджи повернул ко мне бледное лицо.

- Гэл, а ты уверен? – Вопрос прозвучал мягко, но я почувствовал себя уязвленным.
- Хочешь сказать, мне приснилось?!

Он давным-давно привык к моим вспышкам раздражения, поэтому лишь пожал плечами в ответ. Подобное равнодушие действовало на меня всегда одинаково. Успокаивало. Какой смысл беситься, если собеседник никак не реагирует, не вступает в пререкания и не оправдывается.

Некоторое время я продолжал, напряженно обозревая окрестности, прислушиваться но, в конце концов, действительно, был вынужден признать – никого. Показалось.

– Да-а, поставили бы сейчас охранное заклинание... Как раньше. Ни одна тварь бы не сунулась.

– Как твоя спина? – спросил Энджи, игнорируя мое размышление. Он предпочитал не сожалеть о невозможном.

– Как всегда.

Я машинально почесал лопатки о дерево. Под зудящей кожей, по-прежнему, мирно спала личинка «гризельского мрамора». Эта дрянь не давала мне сплести даже самое простое заклятье, пожирая магическую энергию. Хорошо хоть на врожденную способность к оборотничеству не влияла. Но предоставляла мне всего два выбора. Колдовать и оказаться, в конце концов, сожранным своим «наездником». Или вообще отказаться от чародейства и жить, словно простой смертный.

Естественно, как всякий нормальный демон, я выбрал второе. Самоубийцы среди нас вообще встречаются редко. Хотя знавал я одного ненормального, которому ради новых знаний и могущества оказалось не жаль не только собственной шкуры, но и благородной сущности наивысшего темного. Хозяина. Мотается теперь по земле, перерожденный в человека. Доэкспериментировался...

– Нам надо ехать в Эллиду. – Энджи смотрел на звезды с таким видом, словно это они только что подали ему сию гениальную идею.

– Куда?!

– В Эллиду. – Невозмутимо повторил ангел. – Атэр должен быть там. Или скоро приедет.

– Что, утраченные способности вернулись? Или неожиданное прозрение?

Приятель отрицательно качнул головой:

- Нет, но думаю, он должен отправиться именно туда.
- Ну да, Арэлл же элланка. А он таскается за ней, как привязанный.

– Ей нужна армия, – задумчиво произнес Энджи.

– Знакомая проблема. Помнится, Буллфер тоже искал войско.

– И нашел.

– Ну да. Только здесь нет «Белых щитов». Раз нет самих ангелов – то у них не может быть потомков.

– Это не важно. Она найдет того, кто пойдет за ней.

И такая уверенность звучала в его голосе, что мне стало тошно.

– Ага, насобирает таких же влюбленных идиотов, как Атэр?.. Из-за собственной ереси Буллфер реинкарнировался в человека, чтобы теперь бродить за девицей, которая мечтает уничтожить демонский мир, которым он же и управляет! Бред!

Энджи улыбался. Его забавляло мое отчаяние.

– Не вижу ничего смешного! Ты бы лучше меня пораньше в это посвятил...

– Разве я мог лишиться тебя удовольствия встретиться с Хозяином во времена его молодости?

Ехидничает. Издевается!

– Знаешь что?! Хватит меня третировать! Помню твои дурацкие рассуждения – свобода выбора и прочий бред! Ты с самого начала знал, что мы попали в прошлое! Естественно, предвидел будущую встречу с молодым Буллфером. И вынудил меня выбирать между двумя хозяевами – настоящим Высшим демоном и перерожденным смертным.

– Ты еще скажи, я Ритуал специально провел, чтобы превратить его в человека, – устало отозвался Энджи.

– Не удивлюсь.

– И рукопись с описанием Бесценной Награды в библиотеку подсунил тоже я. Хватит, Гэл. Не было у тебя никакого выбора. Мы оба связаны с Атэром. С самого начала. И должны помочь ему.

Вдалеке послышался долгий тоскливый вой, переходящий в глухое голодное ворчание. Его подхватили ближе. Потом заголосили справа... Скоро весь лес вопил и рычал, а я почувствовал, как шерсть на загривке становится дыбом.

Минут через двадцать концерт закончился. Когда последнее гулкое эхо прокатилось по лесу, я молча накрылся плащом, ткнулся головой в относительно мягкую кочку, поросшую мхом, и закрыл глаза.

Странные сны снились мне в последнее время. Черные провалы и куски белого, слепящего пространства. Бездны, заполненные клубящимся дымом, звезды, бурлящие огненные потоки, каменные острова, висящие в пустоте. Глубины, которые показал Энджи, когда учил пользоваться нестабильной мерцающей энергией – единственной доступной мне для сотворения заклинаний. Чужой, убийственный, но такой притягательный мир. Хаос...

Ангел разбудил меня на рассвете. Мы встали и снова пошли, по щиколотку проваливаясь в рыжий мох и спотыкаясь о сучья. Серые сумерки медленно отползали в чащу...

Настроение было отвратительным. Несколько раз начинал накрапывать мелкий дождик. Я не выспался, хребет по-прежнему чесался. Казалось, паскудная личинка, копошится под кожей, устраивая себе уютное гнездышко. А еще спиной я постоянно чувствовал настороженный враждебный взгляд. Несколько раз резко оборачивался, и заметил, наконец, призрак, мелькнувший в серой пелене.

Я выразительно глянул на компаньона. Тот кивнул утвердительно, и мы прибавили шаг. Опять сели на хвост, твари. Я шел, представляя какое заклинание можно было бы испробовать на преследователях. «Цепную молнию», пожалуй. Жахнет сначала по одному, а потом пойдет прицельно бить по всем остальным. Канва магического действия уже висела перед глазами, но дрянь у меня под шкурой угрожающе заерзала.

«Ладно... ладно. Не буду!»

Энджи, идущий на шаг впереди, резко остановился, и я едва не вмазался в него. Из тумана медленно выступил здоровенный зверь, больше полутора метров в холке. Мощные лапы, длинный, голый, как у крысы, хвост, в красных глазках не звериная сообразительность. Вытянутая морда с маленькими круглыми ушами покачивалась из стороны в сторону.

Я выхватил меч, ангел сделал то же самое. Но тварь не спешила нападать. Она наклонила голову, громко втянула воздух широкими ноздрями, разинула пасть и... заговорила. Медленно, с трудом, но внятно:

– Идите... за мной.

– Ну да, – пробормотал я тихо. – Уже бежим.

– Мы не сделаем... ничего... – продолжил зверь утробно. – Проводим. Ждет.

– Гэл, их девять, – шепнул Энджи. – Пять впереди и четыре сзади. Не делай глупостей.

«Глупость я уже сделал, основную – связался с тобой», – подумал я, и сказал громко:

– Кто нас ждет?

Хищник помотал башкой, словно отгоняя мух.

– Проводим... не тронем. Смерть наших братьев... прощаем.

– Идем, – решил Энджи. – Посмотрим, кому мы понадобятся.

Понятно – ангельское любопытство! А я, признаться, надеялся, что он от этого уже избавился. Так нет, опять тянет на приключения.

– Может, один сходишь, а я тут подожду?

Энджи не обратил внимания на мое ехидство.

– Они могли напасть ночью, когда мы спали, но не сделали этого. И не хотят мстить. Разумнее пойти с ними.

Эх, если бы я мог колдовать! Однако, я не мог...

– Ладно, пошли.

Зверь-проводник захлопнул пасть, повернулся к нам хвостом и потрусил вперед, поминутно оглядываясь. Мы направились следом. Его сородичи, едва видимые в тумане, взяли нас в кольцо – то ли почетный эскорт, то ли конвой.

– Нам с ними не справиться, – тихо сказал партнер и добавил как бы между прочим. – Ты же не дал мне второй меч.

Второй меч ему! Сначала с первым обращаться научись! Все мое имущество, нажитое в Великом Рэйме, заключалось в двух балтусах – один был куплен на свои деньги, другой выдали на службе в императорской гвардии. Ну, еще было в собственности немного денег, выигранных в кости, и простая лорика. У Энджи имелся собственный клинок, но ангел продолжал донимать меня, что с одним несподручно. Сказал бы я, чего ему не хватает!..

– Ты у нас кто? Целитель? Вот и не выпендривайся. Боевым стать захотелось? Видел я твою Арэлл, или как там ее по-вашему зовут! Абсолютно помешанная. Ненормальная. Если все ваши светлые воины такие... короче, второй балтус не получишь, а то сам свихнешься!

Он рассмеялся, хотя ничего веселого я не сказал.

– Не волнуйся, я не потеряю рассудок. Но за заботу спасибо.

Тоже мне, пообещал.

Туман рассеивался. Подул ветер, сквозь облака проглянуло солнце, и мрачный лес перестал выглядеть мертвым. Мох на стволах деревьев быстро подсыхал и уже не напоминал космы утопленников. Папоротник жизнерадостно зазеленел, капли на его резных листьях поблескивали в ярких лучах. Кора искривленных древесных стволов, изъеденных лишайниками, казалась разноцветной: рыжей, бурой, серой. Сильно пахло какой-то травой. Если вдохнуть поглубже, начинало першить в горле, рот наполнялся вязкой слюной, и щипало в носу.

Звери, окружающие нас, поминутно фыркали. Им тоже не нравился этот запах.

Энджи, наоборот, просветлев лицом, поглядывал по сторонам, дыша полной грудью. На ходу наклонившись, он сорвал веточку с узкими глянцевыми листьями. Я хмыкнул.

– Это что?

– Лесной мирт. Чувствуешь, какой аромат?

– Мерзкий.

– Ах, да. – Ангел убрал вонючий росток за пояс – вечно подбирает всякую дрянь. – Демоническим созданиям он неприятен так же, как можжевельник и сандал.

– Очень любезно с твоей стороны напомнить мне об этом.

Мха становилось все меньше, и постепенно он исчез вообще. Мы шли по слою прелых листьев. Кое-где виднелись камни – гладкие черные валуны как будто вылезали из-под земли. Древесные стволы мощными отполированными колоннами подпирали небо. Бледный свет был рассеян среди деревьев, и мы шагали, словно по дворцу. Помнится, в подземельях Буллфера была пара похожих залов. Великолепных и подавляющих своим величием.

Звери приободрились. Здесь им явно было привычнее. Энджи настороженно посматривал по сторонам, а я чувствовал странное раздвоение. Все вокруг казалось знакомым и чужим одновременно.

Впереди появилось внушительное нагромождение камней. Между ними чернел проход.

– Туда, – прорычал проводник и оскалился. – Там. Ждет.

Энджи взглянул на меня с легким сомнением, но уверенно двинулся к странному ходу. Я поплелся следом. Двое зверей пошли за нами, остальные уселись снаружи.

На стенах узкого коридора с низким сводом виднелись разводы зеленой плесени. Было промозгло, тянуло затхлостью, и с каждым шагом становилось все темнее.

– Не нравится мне здесь, – пробормотал ангел.

Еще бы! Это тебе не миртовые кущи.

Больше всего я опасался встречи с Высшим, хотя их присутствие обычно чувствовал издали. Здесь пока было «спокойно». Звери, крадущиеся за спиной, тихо пофыркивали. Разговаривали? Или посмеивались над двумя дураками, лезущими в ловушку?

Впереди мелькнул тусклый свет. Потолок стал выше, и вскоре мы вышли в просторную пещеру. В ней было сухо, прохладно. Сверху, из невидимого «окна», падали рассеянные солнечные лучи, будто пробивающиеся сквозь листья деревьев или толстое мутное стекло. По полу был рассыпан мелкий белый песок.

Прямо напротив входа стоял трон, сложенный из отполированных черных глыб. И на этом подобии престола я увидел странное существо. Лицо получеловека-полужверя было обтянуто сухой кожей, прорезанной глубокими морщинами. Тонкий, почти безгубый рот приоткрыт. Узкие глаза отсвечивали красным, остроконечные волчьи уши торчали из «волос» – клоchieв серой и черной длинной шерсти. Руки и ноги напоминали длинные узловатые корни, а пальцы, вцепившиеся в «подлокотники» трона, заканчивались длинными когтями.

Не демон, хотя в нем чувствовалось нечто демоническое. Не человек. Не животное.

Пока мы с Энджи, открыв рты от удивления, рассматривали незнакомца, он глянул на калибанов и те, словно повинувшись мысленному приказу, подошли к каменному трону, ложась по обе его стороны.

Взгляд красных глаз переместился на нас.

– Как мило, что вы нашли время заглянуть ко мне. – Он говорил медленно, хрипло, с напряжением.

– Кто ты? – Спросил Энджи. – Один из Древних?

Тощее тело, завернутое в пурпурную ткань наподобие тоги, шевельнулось. Вукодлак рассмеялся тихим, шипящим смехом.

– Тебе судить, ангел, шесть тысяч лет – древность или нет.

– Зачем ты позвал нас?

– Поговорить. Приятно видеть родственников.

– Какие мы тебе родственники?! – Брякнул я не слишком вежливо. Тип в пурпуре начал меня злить. Дурацкая манера делать вид, что знаешь все, но ничего не объяснять.

Хозяин подземелья сверкнул очами.

– Ты не поверишь, насколько близкие. Демонская кровь всегда давала мне молодость и силу. Я мог бы прожить очень долго. Но не шесть тысячелетий!

Он стукнул кулаком по подлокотнику трона и с бешенством посмотрел на ангела.

– Знал бы ты, как я ненавижу тебя!!

– За что? – В голосе Энджи мне послышалось удивление.

– Так же, как и вы, я год за годом погружался в прошлое. Но, в отличие от вас, понимал это. Видел, как поднимаются из руин разрушенные замки демонов, как темные обретают неслыханное могущество, как стираются легенды. Я не хотел ничего этого знать! Я хотел дожить свою собственную жизнь, но из-за тебя мне пришлось пережить падение и наблюдать возрождение империй.

– Кто ты такой? – Резко потребовал я ответа.

Незнакомец перевел взгляд на меня. Безумие светилось в его глазах.

– Ангел скован с Буллфером Ритуалом. Ты – обещанием верно служить. Я – преданностью и предательством. Я часть его духа, во мне доля его силы, знания, которые он мне дал.

Он наклонился вперед и прошептал доверительно:

– Это я помог Хул достать Рубин Карашэхра. С моей помощью она вынесла его из Огненного мира и убила Буллфера в тот самый первый раз.

– Ах ты, гад! – Я не успел выхватить меч. Звери, лежащие у трона, вскочили, грозно рыча, но их защита не понадобилась. Вукодлак взмахнул когтистой лапой, и невидимая сила швырнула меня на пол, придавив к песку.

– Не трудись. – Произнес предатель равнодушно. – Я бы и рад умереть, но не могу. Ты должен видеть моего кера. Не видишь? Жаль. Забавное зрелище. В некотором смысле он тоже изгнанник. Падальщик чует мою смерть, а я все никак не лягу в могилу. И ему приходится ждать. Уже шесть тысяч лет ждет. Скоро сам сдохнет.

– Ты демон? – спросил Энджи, не обращая внимания на мои попытки стряхнуть с себя магические путы.

– Хуже. Наполовину – человек.

С моей точки зрения, на человека он был похож не больше, чем его слуги. Но моим мнением никто не интересовался. Более того, я понял, что не могу произнести ни слова. Оставалось тихо дожидаться, когда меня посчитают достойным свободы.

– Как ты узнал про Ритуал? – Как ни в чем не бывало, продолжил ангел мирную беседу.

– Шесть тысяч лет – достаточный срок, чтобы собрать нужную информацию. Но недостаточное, чтобы постичь, как все исправить.

– Чем я могу тебе помочь?

Полудемон не расхохотался в ответ на глупейшее предложение. Он задумался.

– Раньше я хотел отомстить тебе. Теперь желаю узнать, чем все закончится.

Универсальным движением руки он снял с меня заклинание. Стараясь не делать резких движений, я поднялся и, наконец, смог произнести то, что давно собирался:

– Все просто, Энджи. Это мания величия. Чудила сидит в норе и упивается собственным могуществом. Ну, и как отблагодарила тебя Хул за предательство Булфа?! Поделилась властью? Или денег отсыпала?!

Вукодлак медленно поднял когтистые лапы, раздвигая пурпурную ткань на груди. Я увидел глубокую, рваную рану. Плоть была разодрана и казалась воспаленной, все еще сочащейся кровью. Энджи дернулся, но я крепко взял его за плечо, а то еще лечить бросится.

– Такие «царапины» оставляет огонь Рубина. Они практически не заживают, – задумчиво произнес предатель.

– А ты чего ждал? По мне, так красотка-Хул никогда не отличалась благодарностью. Надо было соображать, с кем имеешь дело.

Я постарался, чтобы злорадства в голосе звучало как можно больше. Но полудемон посмотрел на меня как-то странно. С презрительной жалостью, будто на умственно отсталого. И сразу же переключил внимание на ангела.

– Чего ты хочешь? – невозмутимо повторил Энджи.

– Я думал над этим... – странный безумец опустил голову, рассматривая рану, пересекающую грудную клетку. – Уничтожить Рубин. Убить Хул. Убить тебя... Я тысячелетия копил энергию и знания. У меня нет мощи Высшего демона, но реальная сила есть. ...И я хочу все исправить. Помочь исправить.

Он опустил когтистую руку на голову одного из зверей. Тот довольно заурчал и зевнул, показывая черную пасть.

– Кому ты хочешь помочь? – вмешался я. – Которому из Булфферов? Сейчас их двое.

– Настоящему. – Ответил вукодлак, демонстрируя в ухмылке длинные клыки.

– Ну, и кто из них настоящий?

– А это я решу сам. – Его улыбочка стала ехидной и злой.

– Отлично. Значит, наше содействие не требуется. Приятно было поболтать. Всего хорошего, можешь оставаться и дальше продумывать планы спасения мира. А у нас свои дела. Идем, Энджи.

Я повернулся к хозяину пещеры спиной, и пошел прочь, уверенный, что ангел последует за мной. Но не успел сделать даже нескольких шагов, когда прямо перед моим носом на пол обрушилась каменная плита, закрывая выход.

– Было бы неразумно отпускать вас так быстро, – задумчиво произнес полукровка. – У нас еще найдется, о чем поговорить.

Едва не зарывав от бешенства, я развернулся.

– Открой дверь!!

– А то что? Вы оба – абсолютно беспомощны. Забавно, как изменился мир. Вы лишились магии, растратив ее на пустяки, а я приобрел силу. Успокойся, оборотень, ты ничего не можешь сделать. Считай себя моим гостем.

Глава 2, *где мы с Энджи видим будущее*

Я проснулся оттого, что кто-то обнюхивает мое лицо. Громко, с причмокиванием втягивает воздух и выдыхает обратно, горячим ветерком обдувая шею. Схватившись за меч, я вскинулся, но увидел только черный, мокрый, подергивающийся нос. Потом – оскаленную пасть с высунутым языком и, наконец, звериные глаза, наполненные не звериным любопытством. Пробуждение, скажем, не в самой приятной компании...

Не сообразив спросонья, что тварь может запросто откусить мне руку, я отпихнул серую морду.

– А ну, пшел отсюда!

Калибан фыркнул, сделал шаг назад и уселся на пол, метя по камням голым длинным хвостом.

Я поднялся, оглядел каменную тюрьму. Энджи не было.

– Эй, ты! Где мой друг?

– Ушел, – вполне внятно ответил зверь.

– Куда?!

– Он говорит с Богом, – важно заявил калибан, почтительно покосившись на стену.

– Отлично! Просто великолепно! – Я сел на прежнее место, и в бессилье несколько раз стукнул затылком о каменный свод пещеры.

Мы находились «в гостях» у полукровки уже несколько дней. Я чувствовал, что скоро озверею от безделья и неизвестности. Определенно, хозяин подземелий был ненормальным. Впрочем, это неудивительно, если учитывать, сколько лет он прожил в одиночестве. Этаким осколок древности – будущего, превращенного заклинанием ангела в прошлое. И понятно, почему он свихнулся. Демонская сущность может существовать тысячелетия, как и ангельская. Но не людская.

Человек сходит с ума, его убивает собственная память. И хотя часть темной сути должна была помочь вукодлаку выжить – думаю, нелегко тащить за собой из века в век полудохлого человека, мечтающего о смерти и покое. Душевное здоровье это исключает.

Мы с ангелом так и не поняли, что надо безумцу. Похоже, убивать нас он не собирался. Разговаривать тоже не желал... до сегодняшнего дня. Кормил, давал воду и, видимо, ждал чего-то.

– Эй, – окликнул я зверя. Тот с готовностью привстал, мотнул хвостом, показывая, что не прочь поболтать. – Имя у тебя есть?

– Есть, – ответил он с гордостью. – Лубан.

– Слушай, Лубан, кто такой твой бог?

– Наши предки говорят – он пришел издалека. Принес в себе отсвет огня и мудрость для всех. – Охотно пояснил калибан.

Неплохо он говорил. Гораздо лучше тех, что напали на нас в лесу. И, судя по повизгивающему тенорку, был еще совсем молодым. Недавний щенок.

– А дальше? Пришел и...?

– Выбрал самых сильных, умных. Повел за собой. Привел в эти леса. Стал учить. Способным давал лучших самок, чтобы они создавали семьи.

Ясно, выводил новую породу. Молодец, ничего не скажешь.

– Детей забирал и тоже учил. И все стали умными.

– Хм. Ну? Нравится тебе быть умным?

Зверь засопел, шумно вздохнул и признался:

– Тяжело. Лубану нравится Пуна, и Болто – тоже. Раньше оба сразились бы, и самка досталась самому сильному. Теперь Бог говорит – Пуна посмотрит, и сама выберет. А она уже месяц выбирает. Все никак не выберет. И кусается... – несчастный влюбленный взвизгнул от недавней обиды, потер лапой нос.

Я усмехнулся.

– Ясно. Ну, а еще какой-нибудь прок от этого ума есть?

– Конечно, – заявил зверь серьезно. – Самые-самые умные и усердные попадают в обильные земли, куда их отводит Бог в награду за старательность. Там много жирных кроликов, воды и полей, где можно бегать...

Внезапно калибан замолчал, насторожившись. Вскочил. Я положил ладонь на рукоять меча, хотя толку от него было мало. Часть стены отошла в сторону, и в узком коридоре появился Энджи.

Ангел угрюмо вошел в пещеру, сопровождающий его зверь что-то буркнул Лубану, тот кивнул, фыркнул и вышел в образовавшийся ход вместе с лохматым собратом.

Мой компаньон устало опустил на пол, вытянул ноги и закрыл глаза.

– Ну? – спросил я, внимательно его рассматривая.

– Что? – сухо осведомился он.

– Чего он тебе сказал? – терпеливо уточнил я, хотя хотелось дать Энджи хорошего пинка за медлительность. Мог бы сам рассказать, а не ждать, пока из него вытянут все по слову.

– Он хочет, чтобы мы ему помогли, – нехотя ответил ангел и посмотрел на меня вопросительно.

– Да?! Помогали...? А он не желает, чтоб мы встали на четвереньки, отрастили хвосты и стали бегать в стае вместе с его слугами?

Энджи улыбнулся, видимо представив эту живописную картину. Но мне было не до веселья. Бешенство кипело в горле и, если бы калибаны не смылись предусмотрительно, я бы выместил злобу на ком-нибудь из них.

– Мы должны ему помогать?! Этому гаду?! Он держит нас здесь, как тараканов в банке, и еще ждет помощи. А не пошел бы он...

Энджи спокойно наблюдал, как я бурлил, клокотал и переливался через край. Не вмешиваясь, не задавая лишних вопросов. Это была правильная тактика. Я успокоился немного, а потом, подавляя раздражение, спросил:

– И какая помощь, интересно, ему нужна?

– Он хочет знать, что было в самом начале.

– В самом начале чего?

– Мира. Он хочет вернуться в прошлое.

– Извини, но это звучит, как полный бред! Мы и так в прошлом. Вот оно – начало.

Ангел поднялся и принялся ходить по камере из угла в угол. Похоже, он сам не все понимал или не мог объяснить нормально.

– Гэл, ты знаешь, что такое Хаос?

– Представляю, – я кивнул себе за спину. – Часть его у меня под шкурой.

Энджи отрицательно покачал головой, не замедляя шага:

– Хаос – это место, где есть все. Куски пространства, грубой неформившейся материи, высокочастотные энергии, сгустки тьмы и потоки времени. Последнее – материально, и в Хаосе есть места, где оно может оставлять следы. Как отражение в зеркале. Те, кто умеет видеть будущее или глубокое прошлое – люди называют их провидцами – сливаются мысленно с этими «зеркалами», черпают оттуда знания и видят картины. Пусть отрывочные, смутные, непонятные, но все же видят!

– Не хочешь ли ты сказать...

– Он считает, что может увидеть прошлое сам, и должен помочь сделать то же самое Буллферу, поскольку крепко связан с ним.

– Зачем?!

– Говорит, это спасет Буллфера, Атэра, тебя, меня, и его самого.

– Слушай, Энджи, а тебе не кажется, что он немного того... свихнулся за прошедшие тысячелетия?

Ангел вытащил из-за пояса засохший стебель лесного мирта, задумчиво повертел в пальцах.

– Не знаю. Иногда он ведет себя странно, а иногда... Он очень страдает. Верит в свои слова и невольно заражает своей верой.

– Тогда понюхай эту твою вонючую травку и приди в себя.

– Он хочет, чтобы мы довели его до Хаоса. – Энджи слегка повысил голос, словно пытаясь заглушить мое недоверие.

– Ага. Вот только пообедаю, а потом посажу его себе на спину и сгоняю прямо до места. К ужину как раз успеем вернуться.

– Гэл!

– Что Гэл?! Что Гэл?! Это невозможно!!! Я и в лучшие времена не мог попасть в Хаос! Телепорт туда не откроешь, крыльев у меня нет, колдовать мы не можем оба.

– Я мог бы использовать скрытые резервы, – пробормотал ангел.

Посмотрите на него! Скрытые резервы! Откуда, интересно, они возьмутся?

– Для этого даже не нужна магия, – продолжал он, глядя мимо меня в пустоту. – Мы сможем перемещаться из одного пространства в другое, пока...

– Пока не сдохнем. Знаешь, в чем твоя беда? Ты, как все ваши светлые, одержим жаждой новых знаний. Экспериментаторством! И ради него готов сунуться хоть в бездну, хоть к Некросу на рога. Тебе самому до смерти хочется заглянуть в это идиотское начало времен! Но я, хоть убей, не понимаю, как это может спасти Буллфера и от чего.

– Он движется в прошлое вместе с нами. – Энджи уселся рядом со мной, сунул мирт обратно за пояс. – Как ты считаешь, зачем? Что он должен увидеть? Понять? Изменить? Что ему нужно найти?

Я сердито пожал плечами.

– И я не знаю, – кивнул ангел. – И он – тоже. Нам надо узнать это. Хватит метаться впустую. Атэр не хочет принять нашу помощь, потому что мы не знаем, как ему помочь. Все гораздо серьезнее нашего с тобой соревнования – «перемани аватару Буллфера на свою сторону». Наша цель – не воспитывать его по своему подобию. Никто не должен его учить. Ему самому надо понять, что делать. Ты понимаешь, о чем я?

– Частично. Ты полагаешь, у него здесь какая-то важная миссия? – Я с издевкой выделил последнее слово, но компаньон, похоже, не заметил этого.

– Мне начинает так казаться.

– Нет, погоди! Значит, мы просто без толку болтаемся рядом, и все наши мучения – пустая трата времени?! Но тогда это несправедливо! Выходит, мы ему не нужны! Совсем! И никогда не были нужны.

– Именно это я хочу узнать, Гэл.

– Ладно. Скажи мне одно – если я откажусь идти с тобой, ты отправишься сам?

– Да, – ответил он тихо, но со своей обычной каменной упертостью высшего светлого существа.

– Отлично! – Ни на что другое я и не рассчитывал. – Тогда еще вопросик. Откуда полудемон знает о тех местах в Хаосе, где отражается время?

– Он видел их раньше. И показал мне сейчас. Всего лишь обрывки, смутные образы. – Энджи медленно повел рукой, как будто разгоняя пар или туман, клубящийся перед лицом. – Ничего нельзя понять. Нужно быть ближе, чувствовать временной поток. Погружаться в него.

– Он показал тебе прошлое?

Ангел устало потер лоб, вздохнул и отозвался нехотя:

– Сначала прошлое, а потом – будущее, из которого мы пришли.

– И что ты там увидел?

Энджи помолчал, как будто вспоминая. Потом очень тихо ответил:

– Ничего.

– Что значит ничего?

– Это значит – пустота, темнота, безмолвие...

Некоторое время мы сидели молча. «Пустота. Темнота. Безмолвие». Правда это, или безумный бред свихнувшегося полудемона? Ловкий обман ради убийственного путешествия в Хаос? Хочет всех спасти, вернув в прошлое? Или окончательно это прошлое поломать? А, может, шутки у него такие?!

– Мне надо поговорить с ним самому.

– Не веришь мне? – утомленно поинтересовался Энджи. Пожалуй, я видел его таким измотанным только после падения Белого города несколько тысяч лет назад. В глубоком будущем, которого, как он говорит, больше не существует.

– Хочу убедиться сам. Слушай, откуда ты знаешь, что он не наврал тебе?! Или, что эти видения – не ловкий трюк?! Да и вообще, последствия одного-единственного, жалкого Ритуала не могут быть такими страшными. А потом, я же помню будущее, значит, оно не могло исчезнуть до конца.

Энджи криво усмехнулся.

– Хотел бы разделять твой оптимизм.

Я поднялся, подошел к стене и стукнул по ней кулаком.

– Эй, ты, как там тебя! Могу я хотя бы знать, что происходит, перед тем, как соваться в Хаос?!

Камень дрогнул под моей рукой, разошелся в стороны, и я невольно отступил назад. Хозяин подземелья направлялся к нам собственной персоной. Передвигался он довольно своеобразно – держась за шеи двух мощных, рослых калибанов, с трудом переставляя тонкие, высохшие ноги. Звери ступали осторожно, медленно, стараясь не тряхнуть господина, приносившаяся к его шагам. И это полудохлое убожество собирается в Хаос?!

Я почти с сочувствием наблюдал, как маг-полукровка устраивается на полу, прислонившись спиной к одному из зверей. Наконец, он уселся и заявил хрипло:

– Я требую помощи не для себя, а для вас самих.

Красные глаза встретились с моими.

– У тебя есть сомнения, оборотень? Твой друг тоже колебался до тех пор, пока не увидел. Хочешь увидеть сам? Убедиться?

Он щелкнул пальцами, и в воздухе передо мной открылось магическое «окно». Через такое можно наблюдать за происходящим в соседней комнате или на расстоянии в сотни миль, или даже (если хватает магического потенциала) в других мирах.

Сначала экран отражал только темноту. Я тупо таращился на плоский, черный квадрат, как будто вырезанный из угольной бумаги. Потом в центре загорелась крошечная точка, и сейчас же видение приобрело глубину. Я понял, что смотрю в бездну, подсвеченную далеким огнем.

Полудемон шевельнул когистым пальцем. Свет стал приближаться, а вместе с ним сверху, сбоку, снизу, возникали бесформенные сгустки, обломки... полосы пыли, мерцающие, словно пригоршни алмазной крошки, реки жидкого огня, текущие рядом с застывшими кус-

ками света. Покачиваясь на их волнах, проплыла скала, на которой возвышались развалины белого храма. Я успел разглядеть даже плеть зеленого винограда, уцепившуюся за обломок колонны.

Потом картинка смазалась: камни, сверкающая пыль, дорожки света и тьмы перемешались. Стало невозможно понять, где заканчивается одно и начинается другое. Казалось, «окно» вибрирует от силы, льющейся с той стороны. Тварь под моей шкурой шевельнулась, словно чувствуя это.

Колдун повел рукой, смещая ракурс обзора, и я увидел каменную громаду. Нечто невероятное, сложенное из неровных глыб. Между ними виднелись провалы. Некоторые были затянуты мерцающей сетью – ее шестигранные ячейки казались сплетенными из серебряной проволоки, как соты в улье. Сеть подрагивала, словно от порывов ветра.

– Есть легенда, – полунасмешливо-полусерьезно произнес колдун, – что когда все зеркала окажутся сплетены воедино, вернется творец этого мира. Он станет смотреть в каждое, чтобы с помощью временных отражений познать самого себя, и время остановится. Для всех ныне живущих это будет означать конец.

– Бред! – Я незаметно перевел дыхание, все еще оглушенный увиденным. Покосился на ангела. Тот сидел неподвижно, с отсутствующим видом.

– Может быть, – не стал спорить полудемон. – Но пока у тебя еще есть возможность заглянуть и в будущее, и в прошлое.

Теперь я смотрел в одну из ячеек, выстроенную какой-то пчелой Хаоса. В черную пустоту, окруженную серебряной шестигранной рамой.

Я не успел понять, что хочу увидеть – прошлое, будущее или настоящее, как вдруг в «окне» появилась картина: заросшее черными ветвистыми кристаллами поле. Их отростки топорщились во все стороны тонкими колючками, с низкого неба лился серый свет, бежали клубящиеся облака.

Неожиданно одно из кристаллических «деревьев» задрожало. От толстого основания к вершине побежала трещина, и оно раскололось, осыпалось на землю множеством мелких осколков. В этот момент я увидел того, кто его разбил – тощего демона с израненными боками, и в его оскаленной морде с удивлением узнал собственные черты. «Моя» кровь, сочась из порезов, скатывалась вниз, но не долетала до земли, испаряясь в воздухе, превращаясь в струйки дыма, которые текли назад по следам беглеца.

Я присмотрелся и с содроганием увидел, что они вливаются в черную, жуткую бесформенную фигуру, плывущую за «мною» на расстоянии нескольких метров.

При взгляде на эту тварь в животе вдруг похолодело, сердце заколотилось почти у горла, и заныли ребра, как будто я мчался вместе с тем, похожим на меня.

Чем быстрее он бежал, с ужасом оглядываясь через плечо, тем сильнее ранился о кристаллы, и тем больше крови-дыма втекало в черного призрака, скользящего следом.

«От себя не убежишь» – неожиданно пришло мне в голову, и картина тут же погасла. Ячейку затянуло туманом. Вукодлак щелкнул пальцами, гася «окно».

Некоторое время я сидел в оцепении, потом спросил тихо:

– Кто это был?

– Не знаю, – отозвался маг невозмутимо. – Но ты можешь узнать, если поможешь мне дойти туда.

– Почему бы тебе не отправиться самостоятельно?

– Потому что один я не дойду. – Он злобно оскалился, не хуже своих мохнатых слуг, и зыркнул на меня раздраженно. – Ангел видит проходы в другие миры, я дам магию, а ты... Личинка хаотической твари в твоей спине укажет дорогу. Она чувствует свой дом и будет стремиться туда.

Я убеждал себя, что согласился на это безумное путешествие исключительно из эгоистичных побуждений. Так, по крайней мере, хоть совесть была чиста. Если картина, которую я видел – будущее, то оно мне не понравилось. Бегать по колючим зарослям от призрака, питаемого собственной кровью, не то занятие, коему я хотел бы посвятить остаток дней.

Пора подвести итог. Атэру нет до нас дела. Молодой Буллфер оказался наглой, высокомерной скотиной. Энджи предвещает конец моего родного будущего. Тварь под шкурой мешает колдовать, и мы безудержно погружаемся в прошлое. Мне оставалось только одно – принять предложение. Отправиться в Хаос и развлечься там на полную катушку. Оправдать хоть как-то собственное существование. Возвыситься над всем миром, узнать его сокровенные тайны, помочь аватару моего бывшего Хозяина осознать себя. И понять, в конце концов, какого Дьявола нас занесло во вчерашний день?!

С помощью своих звериных слуг маг поднялся, пробормотал что-то невразумительное, и в стене перед нами открылся ход. Узкий длинный коридор, полого уходящий во тьму.

– Дорога, ведущая вниз, приводит наверх? – скептически поинтересовался я.

– Хаос не вверх, – презрительно отозвался вукодлак, цепляясь за шеи калибанов. – И не внизу, как думают некоторые невежды. Он повсюду. Там. Или там, – он, по очереди, ткнул длинным когтем сначала в сторону одной стены, потом в противоположную. – Не имеет значения. Главное чувствовать, куда идти.

Я оглянулся на ангела, чтобы посмотреть, как тот реагирует на нахальное заявление полукровки. Но Энджи, по-прежнему, сидел неподвижно, сложив руки на коленях, и смотрел прямо перед собой. Лицо его было пустым.

– Эй, приятель, – я подошел к нему, пощелкал пальцами перед носом, тряхнул за плечо. – Очнись.

Он заморгал, приходя в себя, посмотрел на меня и сказал:

– Все хорошо. Просто я...

– Да, уже понял, ты задействовал внутренние резервы, – кивнул я. – Идем. Идем хоть куда-нибудь.

Глава 3, *в которой меня и ангела депортируют в ад*

В узком коридоре едва могли разойтись три человека или два не слишком крупных демона. Было холодно. Дыхание смерзалось в легкие облака пара. На черных гладко отполированных стенах поблескивали кристаллы инея.

Мы шли в пятне света, которое на три метра освещало все вокруг. Вукодлак наколдовал его несколько минут назад, и на мой вопрос, как ему удалось накопить столько магической мощи, чтобы тратить ее столь бездумно, злобно нечленораздельно рыкнул и вновь вступил в дискуссию со своим кером. Судя по брюзгливым репликам мага, его невидимый собеседник протестовал против похода в Хаос. И я был полностью солидарен с галлюцинацией нашего попутчика.

Калибаны, бережно поддерживая повелителя, чутко принимались, прислушивались и время от времени обменивались тихими репликами на зверином языке. Ангел бесшумно шел рядом со мной. Молчал, внимательно поглядывая по сторонам.

Коридор казался бесконечным. Слой инея на стенах стал толще, и складывался в удивительные узоры, как будто кто-то шел впереди, выводя, сначала неуверенно, потом все более и более мастерски, сложные бессмысленно-красивые иероглифы колханского языка, цветы, резные листья, птиц, морды сказочных зверей.

Я невольно протянул руку, чтобы коснуться витого снежного рога оленя, выглядывающего из стены, но Энджи стукнул меня по запястью и сказал резко:

– Не трогай.

– Почему это?

Ангел вытащил меч из ножен и слегка коснулся им стены. Клинок тотчас помутнел, до середины покрывшись инеем. Вукодлак обернулся с гнусным смешком:

– Хочешь оказаться следующим экспонатом в коллекции? – Он указал на бесформенную фигуру, выступающую из белого слоя. Я разглядел человеческое лицо, шею, плечо, руку со скрюченными пальцами. Остальное тонуло в снегу.

– Твоя работа? – спросил я мага.

Тот хрипло рассмеялся:

– Нет, я не настолько сошел с ума. – Потом помолчал и добавил задумчиво. – Хотя, может, моя. Не помню...

Повеяло холодом. Морозный ветер из глубины коридора, взъерошив волосы, швырнул в лицо мелкую ледяную крупу.

– Стойте, – приказал Энджи. Все еще держа меч, он рассматривал стену, на которой застыл «рисунок» ледяной воздушной арки. – Нам туда.

– Откуда ты знаешь? – Не то чтобы я сомневался в партнере, но уточнить стоило.

– Чувствую. Здесь легкое дрожание.

– Он видит выходы в другие пространства, – снова пояснил полукровка и что-то бормотнул слугам. Те заворчали, вздыбив шерсть на загривках, с опаской уставились на стену.

Не обращая на них внимания, Энджи поднял балтус и стукнул по камню в центре арки. Я ожидал, что лезвие со звоном отскочит от скалы, но оно неожиданно погрузилось по самую рукоять. По обледеневшим глыбам прошла волна.

– Идем, – велел мой светлый друг и шагнул прямо в лед.

Я не успел даже выругаться, как его тело втянуло, остался лишь легкий морозный контур человека с мечом.

– Вперед! – приказал колдун. Звери переминались с лапы на лапу, искоса поглядывали на хозяина, но не решались. Маг злобно рыкнул, впиваясь когтями в загривки калибанов, и

те, поскуливая, мелкими шажками двинулись к арке. Все трое прикоснулись ко льду и исчезли вслед за ангелом.

Я остался один. Хорошо хоть колдун свет с собой не забрал, а то мог бы оставить в темноте, шутки ради. Несколько раз громко вдохнув и выдохнув я постарался заглушить недостойную робость перед прохождением сквозь стену. Хотя Энджи, конечно, стоило постараться и открыть ворота, а не заставлять меня ломиться прямо через камень.

Поправив мечи, висящие на поясе, я совсем, было, собрался шагнуть вслед за остальными, как вдруг заметил неподалеку движение. Белая снежная тень отделилась от белой стены, со звуком похожим на хруст, с каким ломается тонкая корочка льда. Тут же послышался еще один такой хруст, и еще. Вместо того, чтобы броситься бежать, я стоял, точно болван, и глядел, как коридор наполняется призрачными фигурами.

Они плыли ко мне – полупрозрачные, легкие, похожие на снежные узоры на окне, все ближе и ближе, пока не остановились на границе магического светового круга. Если бы я мог колдовать, то швырнул бы в них огнем и растопил, но сейчас оставалось только смотреть.

Напрягая зрение, я с трудом разглядел фигуру, стоящую впереди. Это была женщина с волосами, струящимися до пола и закрывающими ее всю с головы до ног. Застывшее, красивое лицо словно выглядывало из сугроба. Она качнулась вперед и произнесла, не открывая рта: «Где выход?» Тихий шелестящий голос прозвучал у меня в голове.

– У меня за спиной, – произнес я, прежде, чем успел подумать, стоит ли это говорить. – Кто вы?

Ответить она не успела. Стена под аркой задрожала, и с той стороны в коридор выпрыгнул Энджи. Лицо его было суровым и мрачным, клинок в руке сиял.

– Гэл, сколько можно ждать?!

– Да тут... – Я оглянулся на белых призраков. Но коридор оказался пуст.

Вообще-то, оправдываться – не в моих правилах. Но сейчас, сам не знаю почему, я начал бормотать:

– Понимаешь, только что здесь была толпа теней. Они спустились со стен и...

Энджи с сомнением вздернул брови, поднял повыше светящийся меч, оглянулся по сторонам и, естественно, никого не увидел. Посмотрел на меня с легким сомнением в голубых глазах и велел:

– Шагай.

– Слушай, я действительно видел!

– Я не спорю. – Он крепко взял меня за плечо и потащил к арке. В последний миг перед переходом я, оглянувшись, увидел, как белоснежная фигура отделилась от стены и бросилась вперед, вытянув полупрозрачные руки...

Потом были несколько мгновений тишины. Уши аж заложило от нее, сердце замерло, остановилось дыхание... И сразу же в глаза мне брызнул яркий свет, лицо обдало холодным ветром. Послышался отдаленный ровный гул, и я понял, что стою посреди белой пустыни по колено в снегу.

Кое-где торчали ледяные глыбы, сверкающие на солнце. Я оглянулся, чтобы посмотреть, откуда мы вышли, и увидел высокую арку, сложенную из отполированного прозрачного льда. За ней тянулся тот же зимний пустынный пейзаж.

Энджи убрал меч в ножны и, пронаблюдав за его манипуляциями, я спросил сердито:

– Ты, вроде, не мог колдовать? А магическую поддержку, если я не ослышался, обещал полукровка. Где он, кстати?

Ангел лишь пожал плечом в ответ, указывая на широкую тройную полосу следов, уходящую вперед.

– Значит, решил не дожидаться. А я-то думал, ему позарез нужна наша помощь.

– Идем, Гэл. Здесь холодно.

– Это я тоже заметил.

Человек на моем месте уже давно замерз бы насмерть. Но у демонов, к счастью, достаточно толстая шкура и густая шерсть. Впрочем, Энджи тоже не выглядел умирающим – контур его тела светился едва заметным золотистым сиянием, значит, ангел чувствовал себя хорошо.

Спустя минут десять, мы догнали вукодлака. Его четвероногие носильщики, громко сопя, брели по снегу и послушно тащили господина, негромко бурчащего приказания или комментарии по поводу всего происходящего.

– Спасибо, что подождал, – сказал я, мило улыбаясь.

Он оглянулся со злобной гримасой и заворчал, как собака, у которой отняли кость.

– Я не намерен ждать, пока ты удовлетворишь свое пустое любопытство!

– Это не пустое любопытство! – огрызнулся я в ответ. – Я видел тени... призраки... они двигались. Искали выход.

– Выход? – переспросил Энджи заинтересованно.

– В каждом мире, – заговорил маг на удивление нормальным голосом без обычного высокомерного хеканья и хмыканья, – у существ есть свои представления о жизни после смерти. Наказывая себя за мнимые или подлинные грехи, они придумывают свой ад сами. Такова человеческая суть. Тени в коридоре попали в собственный маленький ад, где будут пребывать до тех пор, пока не найдут сил выбраться из него. Они хотят быть наказанными. Хотя у них есть шанс освободиться, они не пользуются им. Им нравится страдать. А ты не творец их мира, чтобы даровать освобождение, – закончил он неожиданно зло и отвернулся.

Я вопросительно посмотрел на Энджи, шагающего рядом. Тот лишь пожал плечами, никак не выказав сомнения в правдивости слов попутчика. Мне, впрочем, тоже безразлично, кто такие вмерзшие в стены бесконечного коридора. Хотя та женщина была очень красивой. Не знаю, как остальных, но ее я, пожалуй, освободил бы...

Калибаны внезапно остановились и одновременно зарычали, прижимая уши. Маг, отпустив шею одного, поднял руку, призывая к тишине. Зверь, неожиданно оказавшийся на свободе, стал пятиться и остановился лишь когда натолкнулся на ангела.

– Что там? – негромко спросил Энджи, пристально вглядываясь вперед.

– Там смерть! – неожиданно отозвался калибан, жмушийся к его ногам.

– Иди сюда! – Прикрикнул полукровка. – Хватит болтать!

– Я чувствую... она приближается, – в голосе зверя послышались испуганные визгливые интонации. – Очень быстро.

– Иди – сюда. – Медленно, раздельно повторил маг, и слуга покорно пополз к нему, прижимаясь брюхом к сугробам.

– А нельзя ли поподробнее, – попросил я, оглядываясь. – Кто приближается и откуда?

– Я вижу, – сказал Энджи, приставив ладонь козырьком ко лбу. – Вон там...

Теперь и я разглядел. С огромной скоростью к нам несло снежное облако.

– Это что, буря?

– Нет. Колесница.

Звери дружно взвыли, но вукодлак грозно рыкнул, и они замолчали, вжавшись в снег. Маг с трудом выпрямился. В его руках, висящих вдоль тела, загорелся язык пламени. Я вытащил меч, ангел сделал то же самое.

К нам, действительно, мчалась колесница, похоже, целиком вырезанная из глыбы агата. Ее тянул такой же смолисто-черный ягуар. Зверь скалился и стремительными прыжками двигался вперед. В повозке стояла женщина в развевающихся черных одеждах, и скульптор явно был в ударе, создавая ее. Сильные порывы ветра почти обнажали идеальное тело. Равнодушное лицо с прозрачно-серыми глазами было неподвижно. Зато ярко-рыжие волосы летели за ее спиной, словно шлейф, и казались бесконечными, сливаясь с облаком метели, кружащей вокруг.

Подъехав, незнакомка натянула поводья. Волосы взметнулись в последний раз и тяжелым пламенем накрыли повозку с ягуаром, выдыхающим клубы пара. Женщина осталась стоять посреди неподвижной снежной равнины.

– Вы пришли из запретного места, – произнесла она. Может быть, кто-нибудь чересчур романтичный назвал бы ее голос звенящим как хрустальный колокольчик, мне же он показался пронзительным, режущим слух. – Оно закрыто и проклято.

– Кажется, мы нарушили какое-то местное табу, – шепнул я ангелу. Тот кивнул едва заметно, пристально глядя на ледяную красавицу, и возразил:

– Мы не задержимся здесь. Никого не побеспокоим.

Но она как будто не слышала.

– Уходите!

– Почему место, откуда мы пришли, проклято? Кто его проклял?

Женщина высвободила обнаженную руку из черных одежд, окутывающих ее тело, и указала на подозрительно молчаливого мага:

– Он!

Полукровка посмотрел на меня и нагло ухмыльнулся:

– Да, припоминаю. Действительно я. Надо было пополнять энергию. А, как ты знаешь, демоны и боги могут получать ее лишь через страдания и смерть.

До меня, наконец, дошло, кого мне напоминает эта огненноволосяя богиня.

– Значит, призраки в том коридоре... ты сам запер их там?!

– Именно так. – Колдун поднял руку, в которой загорелось яркое пламя, и произнес грозно. – Если ты, Фелия, не хочешь присоединиться к сестре, уйди с дороги. Сейчас мне не нужна твоя смерть.

Женщина издала звук, напоминающий стон, и исчезла. Рассыпалась, разметалась снежным облаком.

– Идем! – Вукодлак стряхнул огонь с пальцев, и тот упал на лед, прожигая глубокую дыру. – Я не намерен торчать здесь вечно!

– Как ты заманил их в тот коридор? – спросил я тихо.

– Не помню. – Со злостью ответил он.

– Почему тогда говорил про ад? Что они сами его выдумали?

– Я оставил для них выход. Они не уходят. Значит, хотят продолжать страдать дальше.

Энджи ничего не сказал, но на его лице появилось выражение безграничного презрения и безразличия. Обычно оно переводилось как: «Ну и мразь ты, приятель».

– Выговори вслух, что думаешь, – посоветовал я. – Станет легче.

– Бессмысленно, – произнес ангел и замолчал надолго.

Мы шли по ледяным мостам, перекинутым над застывшими реками. Пробирались через снежные наносы. Брели по замерзшим туннелям... Здесь было удивительно красиво. Все сверкало, искрилось, переливалось. Архитектурным конструкциям, созданным холодом из воды, мог бы позавидовать любой зодчий. Хрустальные дворцы и лабиринты, многоэтажные арки и лестницы, колонны, галереи... И никого живого вокруг. Прекрасная, мертвая земля. Лишь однажды вдалеке еще раз пронеслась колесница, запряженная черным зверем. Но к нам не приблизилась.

– Надо отдохнуть, – сказал колдун.

Ангел молча кивнул. Я тоже не возражал против небольшой передышки. Остановиться решили в пещере, в толще ледяной скалы.

Голубоватый свет струился сквозь прозрачный потолок, на полу лежал тонкий слой соломы.

– Похоже, здесь уже кто-то был до нас, – заметил я, рассматривая черный след от костра на полу.

– Да, – полудемон с помощью слуг уселся. – Был. Я.

Он помолчал немного и заявил неожиданно, глянув на ангела.

– Ты зря считаешь, что я излишне жесток. Когда прижмет по-настоящему, начнешь черпать магию из любых доступных мест. Не думая о разрушении. Тебе это знакомо.

– Я, в отличие от тебя, разрушаю себя, а не других, – ответил Энджи сквозь зубы.

– Это неразумно и...

– Неразумно оправдываться сейчас. – Резко, в несвойственной ему манере перебил ангел.

– Я не оправдываюсь перед тобой!

– Не лги. В тебе гораздо больше человеческого, чем ты хочешь признать. И ад ты себе придумал, как человек. Только он не после смерти. А сейчас. Здесь. Ты загнал себя туда, чтобы мучаться от чувства постоянной вины, и освободиться можешь только сам. Как ты правильно заметил, мы не творцы, чтобы освобождать тебя.

Глава 4

Секрет быть богом

Эмил видел – кер сидит на прежнем месте, за левым плечом, царапая когтями камень. Дремлет, по-птичьи засунув голову под крыло, и, как никогда, похож на мерзкого, дряхлого грифа.

Болто спал, свернувшись клубком, но уши его чутко подрагивали, ловя каждый звук. Мьют, громко сопя, вылизывал шерсть на боку. Очень следил за своей внешностью. Эти двое уже из шестого поколения. Самые первые были злобными, тупыми, трусливыми и в два раза мельче. Но материал оказался великолепным.

Свет погас, лишь тонкий бледный лучик просачивался сквозь лед и медленно полз по полу, подбираясь к ногам. Колдун сидел неподвижно, глядя в темноту. Удивительно, шрам почти не болел. Ныл тупо, но думать это не мешало. Видимо, сказывалось целительное присутствие ангела.

Бывали дни, когда боль доводила Эмила до бешенства, до безумия. Тогда он просто не сознавал, что делает. В памяти оставалась широкая черная полоса. И с каждым веком она становилась все шире.

Полудемон помнил очень мало из прошедших шести тысячелетий. Только основное. Он предал отца, который научил его всему, дал свободу и могущество. Теперь он должен все исправить. Остальные воспоминания были лишними, держать их в сердце и голове не было ни сил, ни желания.

Иногда, в периоды особенно яркого безумия, колдуну начинало казаться, что он, действительно, один из Древних. Бессмертное высшее существо, живущее на земле. Однажды, когда он в беспамятстве лежал на песке, стены пещеры приближались и отдалялись, а потолок почти падал на голову, в больном сознании вспыхнула интересная идея: «Мир – не сновидение неведомого божества, которое грезит и видит ангелов, демонов, людей... Мир – это постоянная боль, он возникает из страдания. Поэтому он так глупо жесток. Шесть тысяч лет я излучаю мощные волны страдания, которые искажают это пространство. Я сам создаю эту реальность. Я – древнее божество, вдохновленное собственной *му* кой на строительство нового света...»

Поврежденное воображение рисовало невероятные картины величия и мощи, а потом приполз Болто, держа в зубах чашку с водой. Казалось, жидкость испаряется еще до того, как касается языка, однако Эмил сумел сделать несколько глотков... Сумасшедшие фантазии погасли. Но основная мысль осталась. «Я никогда не умру». Это успокаивало, потому что однажды полудемон понял – он боится смерти. Опасается, что будет блуждать где-то в темноте и пустоте, вспоминая каждый прожитый день... Никогда не умрет и будет постоянно испытывать боль от раны, нанесенной Рубином. Пока не придет кто-нибудь и не уничтожит его, чтобы самому творить эту реальность. Может быть, менее жестокою...

Мьют опустил лапу, которую тщательно вылизывал, заглянул в лицо хозяина умными раскосыми очами. Сочувственно заскулил, ткнулся холодным носом в руку. Эмил машинально погладил его по голове.

Кер закопошился и едва не свалился на пол. Но удержался, заскрипев мощными когтями по камням. Вытянул шею, пробормотал расслабленным старческим голосом:

– Где я?

– Там же, где и я, – равнодушно отозвался колдун.

– А где эти двое? – Падалыщик захлопал слепыми круглыми глазами, тревожно оглядываясь.

– Ушли. Еще вчера. Ты все проспал, Хорхеус. Как всегда.

Конечно, никуда оборотень с ангелом уйти не могли и сейчас спали неподалеку, но соврать слепому и глухому падальщику было приятно.

– Как же... как же, – закудаhtал кер и стал похож на гигантскую, ошипанную курицу. – Я же хотел у них спросить...

– Спроси у меня, – предложил Эмил, удивляясь собственному великодушию.

– Ничего я у тебя не буду! – Хорхеус взмахнул крыльями, с трудом удерживая равновесие. – Ты сошел с ума. Считаешь себя Древним. Я-то знаю! Я слышу, о чем ты бормочешь все время. Не мог умереть нормально. Как все! Сколько мне еще ждать?!

Болто поднял голову и тихо зарычал. Он не видел кера, но ощущал что-то подозрительное. Послушал минуту, потом зевнул и положил морду на вытянутые лапы.

– Я не умру, придется тебе смириться с этим.

– Все умирают. – Кер успокоился, наконец, снова нахохлился. – Рано или поздно. Я подожду.

– Жди. Мне все равно.

Эмил улыбнулся, прислушиваясь к затихающему ворчанию старого стервятника. Глубоко вздохнул, не чувствуя боли. Какое же это наслаждение – не чувствовать. Когда-нибудь он придет – долгожданный покой. Не смерть, просто покой. Без воспоминаний. Без чувства вины. Без провалов в беспамятство...

Ангел, по-прежнему, крепко спал, а вот оборотень сидел, прислонившись спиной к скале.

– Долго нам еще идти? – спросил он негромко. – И куда?

– Узнай у своей подружки из Хаоса, которая сидит у тебя в спине. А? Что она говорит?

Гэл помолчал немного, прислушиваясь к себе.

– Молчит.

– Значит, будем идти до тех пор, пока она не почувствует приближение родного пространства. – Эмил потянулся. Ему было хорошо от того, что теперь есть с кем поговорить. Тысячелетние беседы с собственным кером давно начали раздражать. Оборотень прищурился:

– Все же скажи, как ты добился такого могущества?

– Убивал в себе человека. Так же, как ты убиваешь в себе демона, а Энджи – ангела. Я думал об этом каждый день, пока огонь Рубина жег меня. Знаешь, кто мы такие? Те самые древние боги, Хозяева этой земли. Мы стали выше нелепых предрассудков: ангелы – добро, демоны – зло. Ты узнал, что такое сострадание, привязанность, чувство долга, преданность и боль. Энджи узнал отчаяние, сожаление, предательство, ненависть, равнодушие. Разве ваши замкнутые мирки подарили бы вам эти знания? Разве ты не чувствуешь, что изменился?

Эмил видел, что Гэл задумался. Странно было смотреть на его лицо: на первый взгляд туповатая физиономия низшего – низкий лоб, широкий нос с раздувающимися ноздрями, большой рот... и неожиданно умные, проницательные, насмешливые глаза...

– Ты прав. В чем-то прав. Мы здорово меняем друг друга.

Ангел пошевелился, сел и произнес слегка невнятным после сна голосом:

– Можно идти дальше.

– Ну да, уже бежим. Проснись сначала.

Эмил усмехнулся. Забота оборотня больше была похожа на брюзжание. Болто потянулся и протяжно зевнул. Мьют с сожалением осмотрел незнакомый бок, но поднялся, выражая готовность двигаться дальше. За ним встали и остальные.

Всю ночь мела поземка. Вчерашние следы засыпало. Колдун исподлобья взглянул на спутников. Светлый забько передернул плечами, прищурился на солнце, зачерпнул горсть снега и протер им лицо. Оборотень громко высморкался, передвинул мечи на поясе и на этом его утренний туалет закончился. Волки помалкивали, помня, что лишняя болтовня раздражает господина, поэтому только переглядывались изредка, шутливо скаля зубы. Но потом не выдер-

жали – бросились носиться друг за другом и валяться в снегу. При всей сообразительности, они вели себя, как дети – наивные, доверчивые и непосредственные.

Эмил тоже ослабился. Сегодня Гэл пошел впереди – запомнил совет прислушаться к желаниям гризельской личинки, которая может подсказать дорогу. Снег похрустывал под ногами ангела, и это раздражало колдуна, за спиной которого шел светлый. Полудемон сам не понимал, почему так злится, когда слышит голос Энджи с легким, почти незаметным колханским акцентом, появляющимся в речи светлого, когда тот начинает нервничать. Бесило колдуна также упорство странного компаньона оборотня, несокрушимое мнение по любому поводу, пронизывающий взгляд...

Иногда глухое раздражение на несколько секунд превращалось в едкую ненависть.

«За что я его ненавижу? За то, что через несколько тысяч лет Буллфер найдет в нем друга, а я попытаюсь доказать, что лучше и потеряю в этом соперничестве все? А светлый даже догадываться не будет о своем выигрыше. Да и выиграл ли он?.. – Со злорадным удовольствием Эмил смотрел на бледное лицо ангела, на круги вокруг его глаз, на морщины, внезапно лежащиеся у губ. – Он устает сильнее меня. Ему тяжелее. Его присутствие исцеляет меня, а мое – приносит ему боль».

Оборотень неожиданно остановился, почесал спину и сказал задумчиво:

– Похоже, нам направо. Между тех льдин. Она вроде как хочет повернуть туда. – И пояснил. – Тварь у меня под шкурой.

Колдун кивнул, его собственные расчеты совпадали с этим предчувствием. Энджи сделал несколько шагов в указанном направлении, вытянул руку, словно ощупывая пустоту перед собой.

– Да, выход где-то неподалеку.

– Я не вижу ни арки, ни двери. – Оборотень подошел к спутнику, по колено проваливаясь в снег.

– А ты думал, для тебя везде понаставят красных ворот? – скептически поинтересовался колдун. – Ту, в подземелье, возвел я. Остальные пути неведомы.

Болто, равнодушно помахивающий хвостом, вдруг громко принялся. Шерсть на его загривке встала дыбом. Он вывернулся из-под руки господина, прыгнул в сторону, едва не сбив Энджи с ног, и принялся яростно рыть снег.

– Что там еще? – недовольно спросил Эмил, с помощью Мьюта подходя ближе. – Нашел время для ловли крыс.

– Это не крыса, – странным голосом произнес ангел, отступая.

– Это Пуна... – хрипло сказал Болто.

На снегу вытянулось замерзшее тело волчицы. Оскаленная пасть, стеклянные глаза, сведенные судорогой лапы.

– Ты говорил, она уже в обильных землях. – Мьют обиженно, удивленно и озадаченно посмотрел на колдуна. – А она здесь.

В их маленьких мозгах шла непосильная работа. Волки пытались понять и не понимали. Гэл громко насмешливо фыркнул:

– Вот тебе и поля, куда попадают самые умные.

Ангел безучастно смотрел вдаль и лепил снежок. Как всегда, уже сделал для себя вывод.

– Кто ее убил? – прорычал Болто, и шерсть на его загривке поднялась дыбом.

Эмил разозлился, но знал, что показывать этого пока нельзя, поэтому ответил спокойно:

– Холод и ветер. Она была слишком слабой.

– Она была сильной! – рыкнул волк. – Очень сильной! Она сказала, будет ждать меня!

– Хватит! – рявкнул колдун, теряя терпение. – Замолчите оба! Пуна не добралась до обильных земель, но туда ушел ее дух. И если вы не хотите замерзнуть здесь рядом с ней, то пойдете со мной!

Мьют шумно вздохнул и опустил голову в знак повиновения. Болто продолжал скалиться.
– Я не пойду! – прорычал он. На его морде появилось отчаянное выражение. – Я никуда не пойду!

Эмил сжал руку в кулак, чувствуя, как пальцы начинает покалывать от сжатого в них заклинания.

– Пойдешь.

– Слушай, парень, – вмешался оборотень, с неожиданной симпатией глядя на волка. – Ты заоченеешь. И еды здесь нет.

– Пуна сказала, будет ждать меня. – С глупым упрямством ребенка повторил Болто. – Я пришел. Я останусь. С ней. Если ее дух в обильных землях, мой тоже будет там. Скоро.

– Пусть остается!! – заорал Эмил. – Пусть сдохнет здесь! Идемте! Идемте, я сказал!!

Ангел размахнулся и швырнул снежок. Тот полетел, словно выпущенный из пращи и вдребезги разбился о ледяную глыбу. Гэл покачал головой в ответ на какие-то свои мысли и попытался еще раз:

– Слушай, она бы не хотела, чтобы ты погиб здесь.

Болто сел рядом с трупом волчицы, поднял голову и завыл тонко и протяжно.

Эмил толкнул Мьюта, и тот поплелся вперед, все время оглядываясь через плечо. Похоронный плач его брата летел над снежной пустыней.

– У твоих волков больше сердца, чем у тебя, – произнес над ухом дребезжащий голос кера. Давно не появлялся. Эмил уже надеялся, что тот сдох в ледяной пещере. Но нет, вот, опять ковыляет рядом, как привидение, не проваливаясь в снег.

– Пошел вон. – Привычно отозвался колдун.

– Ты врешь, ты все время врешь, – продолжал квохтать вестник смерти. – Нет никаких земель. Ни до, ни после! И волки тебе нужны только для того, чтобы таскать на себе твое немоющее, дряхлое тело.

– Ты сегодня разговорчив. Чересчур.

Мьют не поднимал головы и не обращал внимания на то, что господин разговаривает сам с собой. Привык.

– Сколько раз ты пытался пробиться в Хаос? Пять? Десять? Двадцать? И каждый раз возвращался обратно ни с чем!

– В этот раз не вернусь.

– Зачем тебе нужно туда? Что ты там забыл?!

– Я должен помочь Буллферу до Великой битвы. Я должен показать ему.

Хорхеус захихикал, приплясывая на месте.

– Поможешь. Поможешь! Уже видели, как ты ему помог!

– Заткнись!

– Хочешь подсказать, как уничтожить всех ангелов? Чтобы они не победили? Отомстить всем светлым? Ну да, ты же их ненавидишь! Мечтаешь, чтобы он стал единственным великим правителем всей земли и всего Дна? Ну, давай рассказывай. Рассказывай!

– Заткнись! Замолчи!! – Полудемон закричал так, что шрам на груди полоснуло болью. Глотнул ледяного воздуха и, закашлявшись, повис на шее Мьюта. Волк с беспокойством обнюхал его лицо, лизнул горячим языком.

– Что? Разногласия с галлюцинацией? – спросил приближающийся оборотень. – Видно, она тебя порядком допекла, раз ты так разорался.

– Где ангел? – хрипло спросил Эмил, вытирая рот.

– Идет следом... Похоже, Болто, действительно, нравилась Пуна. Хорошо ты над ними поработал. Почти очеловечил.

– Да. Хорошо.

Мьют дождался пока Гэл отойдет, и шепнул тихо:

– Учитель, обильные земли, правда, есть?

– Правда.

Ангел прошел, даже не взглянув на колдуна, как мимо пустого места. Но грудь Эмила тут же перестала болеть. Доля всех целителей – лечить, даже не осознавая этого. Отдавать свою силу любому страждущему, даже если ее почти не осталось. Энджи остановился возле невидимого выхода в другой мир. С его пальцев слетело золотое облачко, очерчивая узкий прямоугольник выхода.

Колдун шагнул в арку первым, и чуть не задохнулся от свежего, пряного запаха ранней осени. Он стоял на опушке дубового леса по колено в густой траве. Ветер шелестел в листве, вдалеке каркал ворон. Мьют взвизгнул от восторга.

– Мы пришли? Мы тут? В обильных землях? Учитель, я сбегая за Болто? Он рядом. Недалеко! Он хотел увидеть!

– Нет! – резко перебил его Эмил. – Мы еще не пришли. И ты не пойдешь за Болто. Он ослушался меня, и теперь будет наслаждаться плодами своего неповиновения в одиночестве.

Волк заскулил, переступил с лапы на лапу, но спорить не посмел. Этот был послушнее, чем брат, но, к сожалению, боязливее, и Эмил в очередной раз с раздражением подумал, что невозможно добиться совершенства ни в чем.

Ангел с оборотнем появились через мгновение. Смена картины потрясла их. Вместо льда и мороза – величественные деревья, заслоняющие небо. Теплый ветер, запах грибов и травы. Гэл обернулся, разглядывая три старых каменных столба, изъеденных серым лишайником – два вкопанных в землю, третий – лежащий сверху перекладиной.

– Живописное местечко, – заметил он, кивнув на ворота. – Эти тоже ты поставил?

– Нет. Жители некоторых миров сами чувствуют выходы. И иногда отмечают их. Потом ищут рядом силу, тайные знания. Или защищают свое жилище от вторжения с той стороны.

В этот миг, словно подтверждая его слова, мимо уха Эмила просвистела стрела и вонзилась между плит, хищно подрагивая. Колдун вскинул руку, окружая спутников магическим щитом. Энджи с Гэлом выхватили мечи, Мьют зарычал, и в его голосе слышались панические нотки. Без Болто он трусил еще сильнее.

Следующая стрела ударилась о невидимую преграду и рассыпалась в пыль.

– А этим ты чем насолил? – саркастически осведомился демон.

– Этим – ничем.

Больше невидимые недоброжелатели никак себя не проявили.

– Идем, – велел Эмил. – Я буду держать «щит» над всеми. На всякий случай.

Оборотень выдернул стрелу, застрявшую между камней, почесал наконечником спину и махнул в сторону самого толстого дерева, стоящего на опушке:

– Туда.

Между зеленых дубов стояли мощные кряжистые вязы. В их кронах виднелись яркие пятна желтых листьев. Трава клонилась к земле, в ней не чувствовалось летней влажной свежести. Не щебетали лесные птицы, лишь несколько сорок с раздражающе громким стрекотом вылетели из кустов орешника.

Энджи, прищурившись, несколько мгновений смотрел в их сторону, а потом молча отвернулся. Зато Гэл удивленно засвистел и пошел быстрее. Над полегшей травой возвышался гладкий белый камень. Эмил неожиданно представил, каким теплым тот становился, нагретый ярким солнцем. Булыжник был исписан корявыми знаками защиты от темной магии. В центре его стоял кувшин, грубо вылепленный из красной глины, на широком листе лежал кусок свежего, еще кровоточащего мяса, несколько полосок вяленого, краюха хлеба и горсть красных ягод шиповника.

– Это как понимать? – весело спросил оборотень, постучав стрелой по крынке.

– Подношение, – нехотя объяснил Эмил. – Хотят умиловить грозных богов. Нас, то есть.

– А это...? – ангел обошел камень, рассматривая новую находку.

У жертвенника стоял колчан, расписанный синей краской. Оперение стрел, выглядывающих из него, тоже было синим. Рядом на траве лежал составной лук. Поодаль – суковатая дубина и длинный нож с деревянной рукоятью.

– Готовы предложить свое оружие и самих себя для службы богам, – предположил Гэл, и добавил со смешком. – Нам, то есть.

– Да. Примерно так, – отозвался Эмил. – Можешь взять что-нибудь.

– Мне своего хлама хватает. – Оборотень похлопал по ножнам с балтусом, повертел между пальцев стрелу и сказал задумчиво. – А эту, пожалуй, оставлю. Будет вместо спиночки.

Мьют шумно приняхивался к угощению, облизывался и умильно поглядывал на учителя.

– Ешь, – разрешил колдун. – Можно.

Он выпустил волка и сел на траву. Зверь схватил кусок сырого мяса, покосился на Гэла, вполне справедливо считая его главным соперником и претендентом на добычу, отошел в сторону и, урча, принялся за еду.

– А ты уверен, что после этого подношения мы не... – Гэл выразительно провел себя наконечником стрелы по горлу.

– Не бойся. Еда не отравлена. Я уже был здесь.

– Ладно. – Демон взял кувшин, подозрительно приняхался к его содержимому, просветлил лицом, довольно хмыкнул и стал пить, проливая на себя через край темную, знакомо пахнущую жидкость.

Оторвался, перевел дыхание и сказал:

– Энджи, это пиво. И не плохое. Хочешь?

Ангел кивнул, беря кувшин.

В то время как оборотень жевал вяленое мясо, довольно поглядывая по сторонам, колдун сгреб несколько ягод. Сунул в рот, раскусил, не чувствуя вкуса.

– Хорошо здесь встречают гостей, – Гэл отломил кусок хлеба. – Я, конечно, могу прожить и без человеческой еды, но приятно почувствовать на зубах что-нибудь твердое и желательно сочное. Вот, например...

Он не договорил. Мьют доевший свой кусок, поднялся, облизываясь, и хотел вернуться к учителю. Сделал шаг, но лапы его подогнулись, и он рухнул на землю. Заскулил, забился, путаясь в траве, и затих.

– Что за...! – Гэл стремительно обернулся, услышав звяканье разбившейся кринки, и увидел, как Энджи медленно оседает на землю.

– Не отравлена, значит! – Он отшвырнул хлеб, который все еще сжимал в руке, схватился за меч, но вытащить его не смог. Споткнулся, упал на колени. Подняв стекленеющий взгляд на Эмила, попытался удержаться за камень. Но его когти только царапнули по белому боку песчаника. Демон упал и больше не двигался.

Ангел держался дольше всех, как ни странно. Он, лежа на земле, не мог ни шевелиться, ни говорить, но продолжал смотреть на колдуна. Без ненависти, обреченности или отчаяния. Без ужаса жертвы перед убийцей. Просто смотрел, и невозможно было оторваться от его пронизывающего взгляда. Когда Энджи закрыл, наконец, глаза, полудемон с облегчением перевел дыхание. Снял магический щит и стал ждать.

Через несколько минут из леса вышло существо в длинной одежде из тонко выделанных шкур. Лицо его закрывала маска, изображающая хищную звериную морду. На шее болтались амулеты. В руке, замотанной серой тряпкой, был суковатый посох.

Шаман подошел к Эмилу и низко поклонился. Тот небрежно кивнул в ответ:

– Я уже начал сомневаться, что твоё зелье подействует. Ждать пришлось слишком долго.

Лесной житель снова поклонился. Потом медленно повернулся и издал долгий пронзительный крик. Из-за деревьев вышли восемь мужчин. Все одеты в одинаковые кожаные штаны, куртки с бахромой на рукавах, вооружены луками, на поясах – связки факелов. Их лица тоже были прикрыты масками зверей. Каждый второй держал легкие носилки, сплетенные из коры. Воины приблизились и, не дожидаясь приказа, подняли тела Мьюта, оборотня и ангела. Двое остановились рядом с Эмилом. Тот отметил, что их руки разрисованы синими ритуальными рисунками, в длинные волосы вплетены перья зимородка – значит, готовы к долгому путешествию.

Колдун поднялся, пересиливая тупую боль в пояснице, забрался на свои носилки и приказал:

– Вперед.

Шаман негромко запел монотонное заклинание и трижды ударил концом посоха по камню. Тот медленно отвалился в сторону, открывая черный провал в земле и ступени, ведущие в мир мертвых.

Эмила, подняв, понесли, мягко покачивая. Сначала он видел прозрачное осеннее небо, потом – скошенный земляной свод, с которого свисали длинные, мягкие корни. Затем над головой появились плотно подогнанные друг к другу каменные плиты с малопонятными изображениями, нанесенными все той же синей краской.

Идущий впереди шаман зажег факел. Густой запах горячей смолы поплыл в воздухе. Черные тени заматались по камням, и колдун закрыл глаза. Расслабился, погрузил себя в оцепенение, похожее на сон, в котором, слышал все происходящее, но уже не мог двигаться.

Спускались долго. Но Эмил не чувствовал времени. Ощущал только легкое покачивание носилок, слышал сиплое дыхание воинов из-под масок и унылое бормотание заклинателя. Один раз по его телу прокатилась жгучая волна, закрытые веки обожгло красным светом. Значит, миновали «Преддверье» – вход в нижний мир. И снова накрыла темнота.

Потом движение прекратилось, носилки опустили на землю. Усилием воли полудемон заставил себя очнуться. Приподнялся. Голова еще кружилась, зрение мутилось, но он разглядел круглое подземелье, куда выходило девять дверей. Одна из них горела негаснущим, багровым пламенем, остальные восемь были деревянными, с тяжелыми петлями. Ручки в виде витых колец светились сапфировыми письменами. Все, как в прошлый раз.

Воины стояли неподвижно, свесив руки вдоль тела. Шаман подошел к колдуну, с поклоном протянул ритуальный кинжал. Тот поднялся, взял анта м, надрезал кожу на руке и вымазал лезвие в крови. Странно было видеть, что она красная. Он отдал магическое оружие лесному ведуну, который бережно завернул клинок в тряпку и спрятал в одежде. Верит, наивный, что кровь Эмила обладает магическими свойствами. Хотя, может, и обладает. Теперь полудемон и сам не мог бы отрицать этого.

Шаман снова издал полужвериный крик. Воины, словно очнувшись, пошли к дверям, встали у стен между ними и замерли, мгновенно окостенев. Даже колдун не мог разглядеть, как их невидимые сущности отделились от тел. А заклинатель снова согнулся в поклоне на долгую секунду, выпрямился и удалился через огненный тоннель.

Полудемон заживил ранку на руке и откинулся на носилки, чувствуя, как сильно устал. Спина болела, передвигаться на двух ногах становилось все труднее. «Скоро начну бегать на четырех лапах, как мои волки, и утрачу членораздельную речь», – подумал он.

В тишине подземелья слышался тихий шелестящий шепот, доносящийся из-за закрытых дверей. Потом заскулил Мьют, заскреб лапами по полу, подполз к господину, ткнулся мокрым носом в руку, повизгивая от страха. На рычание у него пока не хватало сил.

– Все хорошо, – пробормотал Эмил, потрепав его за ухо, – не бойся.

Закашлял, просыпаясь, оборотень. Завозился, пытаясь подняться, злобно выругался.

– Тошнота, головокружение и слабость скоро пройдут, – сказал колдун. – Так же, как и темнота перед глазами.

– Твоя работа, гад?! Ты все знал! Энджи, жив?

– Да, – хрипло отозвался ангел.

– Ничего, ничего, – продолжал бухтеть Гэл, – сейчас очухаюсь и спущу с него шкуру. И плевать мне на магию!

Эмил усмехнулся, разглядывая спутника. Оборотень мотал головой, тер лицо обеими руками, сопел, пыхтел и кашлял. А когда прозрел, наконец, то забыл про обещанную месть, увидев, где находится.

Сел, держась за ноющий затылок, ангел и замер, заметив огненную дверь.

– Врата мертвых. Путь в нижний мир. – Пояснил Эмил, глядя на него. – Пройти через них могут лишь мертвые. Или – находящиеся в полном оцепенении, когда тело безжизненно, а дух витает далеко от него. Поэтому мне пришлось ввести вас и себя глубокий сон. Только так можно пройти, не сгорев.

– А это что за рожи? – Морщась от головной боли, Гэл кивнул на воинов.

– Стражи. Они принесли нас сюда.

– Тожедохлые?

– Сейчас да. Это всего лишь пустая оболочка.

Оборотень встал, подошел к одному из воинов. Осмотрел со всех сторон, приподнял маску, но тут же поспешил опустить ее обратно.

– Да, похоже, они совершенно... мертвы. Только я не понимаю, зачем им помогать тебе?

– Не мне. Шаману из верхнего мира. За особую плату.

– И стрелял тоже кто-то из твоих сообщников?

– Да. Хотели убедиться, что это, действительно, я.

– Заранее ты, конечно, не додумался предупредить нас об этих фокусах? – язвительно поинтересовался Гэл.

– А ты бы мне поверил? Я не заметил особого доверия к своей персоне.

Оборотень воздержался от комментария, лишь поискал взглядом ангела. Тот уже пришел в себя, и теперь стоял у одной из дверей, рассматривая ее.

– Синий, – сказал он задумчиво, – цвет покоя и забвения. Куда нам дальше?

Гэл выразительно посмотрел на Эмила:

– Вроде ты уже был здесь? Может, покажешь сам, куда идти? Для разнообразия.

– В прошлый раз это был третий проход от Врат, – скучающим тоном произнес колдун, рассматривая когти на руках. – Но я бы на твоём месте...

Демон, не дослушав, пожал плечами и дернул указанную дверь за кольцо. Шагнув вперед, и едва успев ухватиться за косяк. С той стороны, из черной бездны, вылетел длинный язык племени, хлестнул незадачливого оборотня по лицу, оставив глубокий, дымящийся ожог, и, словно живая змея, обвился вокруг шеи. Мьют завыл от ужаса. Ангел, бросившись к приятелю, выхватил меч и одним ударом перерубил удушающий живой огонь. Обрубленная плоть лениво соскользнула на пол и втекла в камень. Дверь захлопнулась.

– Так вот, – продолжил Эмил, довольно наблюдая за мучениями регенерирующего. – Я бы на твоём месте доверился собственным ощущениям. Направление путей все время меняется.

– Ублюдок, – прохрипел Гэл, отнимая ладони от красной, распухшей шеи. – В следующий раз...

– Твои шутки не кажутся нам смешными, – спокойно сказал ангел, стряхивая с клинка капли, рдеющие, словно угли, – мое терпение заканчивается. Еще одна подобная выходка – и этим мечом я перерублю твою шею.

– Смелое заявление, – сказал Эмил, оскалившись. – И как же ты тогда доберешься без меня до Хаоса?

– Я рискну, – любезно улыбнувшись, отозвался ангел, помогая Гэлу подняться.

«Пустые угрозы... – мстительно думал Эмил. – Никуда ты один не дойдешь. Я знаю, откуда берется твоя сила, светлый. Разрушаешь себя. Черпаешь магию из собственного мира. Того самого личного рая, который у каждого из вас свой, непохожий на другие. Тонкий, прекрасный мир, всегда находящийся на расстоянии вытянутой руки и недоступный для несовершенных созданий. Из него ты в отчаянии выдираешь куски пространства, чтобы лечить и защищать. Только надолго его не хватит...»

– Хорошо, шуток больше не будет. Одна лишь правда жизни. Так где вход, Гэл?

Оборотень, зажививший последнюю ссадину на шее, нахмурился и неуверенно ткнул когтистым пальцем в одну из дверей.

– Туда. Но теперь первым пойдешь ты.

Колдун молча оперся о спину верного Мьюта, все еще дрожащего от страха, и заковылял в указанную сторону. Потянул за кольцо, открывая проход. За ним тоже была пустота и тьма, однако у порога лежало начало широкой каменной тропы, уводящей в бесконечную черноту.

– Поторопитесь. – Эмил оглянулся на спутников, замерших у открытой двери. – Если не желаете испытать на себе очередную мою «шутку».

Те шустро запрыгнули на путь и отбежали от двери, вставая рядом с колдуном. Потом повернулись и увидели удивительное зрелище – кусок моста, по которому они только что прошли, растаял. Вверх по стене из пустоты поползли, разрастаясь с каждой секундой, плети огненного плюща – того самого, что едва не задушил оборотня. Красные ветви стлались по камням, переплетаясь. Вспыхивали пламенем цветов и осыпались багровыми углями, уступая место новым побегам.

– Красиво, не правда ли? – поинтересовался Эмил.

Ответом ему было потрясенное молчание.

Теперь дорога впереди была освещена ровным красноватым светом, а пустота справа и слева казалась еще чернее.

Они шли долго... Так долго, что монотонное шарканье ступней колдуна по камням стало казаться вечным. Но, в конце концов, огонь плюща погас, и в наступившей темноте Мьют остановился, отказываясь идти дальше.

– Не хочешь посветить? Или предпочитаешь ползти наощупь? – поинтересовался, обращаясь к Эмилу, Гэл.

– Подожди. Сейчас будет светло.

Это обещание не успокоило оборотня. Он закрутил головой в поисках источника света:

– Ну, и долго жда...?

Из пустоты рядом с мостом взметнулись ввысь прозрачные колонны. Изогнулись светящиеся бледной бирюзой арки, состоящие, казалось, из одного дыма. Вдали появились нагромождения облаков, среди которых засияли шпили дворцов, горные пики, серебристые нити дорог.

– Тонкий мир... – прошептал ангел, и его глаза блеснули восторгом. – Так он выглядит, если смотреть... с этой стороны.

– Граница Тонкого мира, – уточнил колдун и смерил скептическим взглядом озадаченного Гэла. – Оборотень, знаешь устройство пространства? Хотя бы самую примитивную схему? Срединный мир в центре. Вокруг него – Тонкий. Потом Хаос. Внизу – Дно с тяжелыми энергиями. Наверху...

– Я знаю устройство мира! – Огрызнулся демон, оскорбленный попыткой Эмила уличить его в невежестве. – Но мне никогда не приходило в башку блуждать по нему на своих двоих. Ты мог бы сразу открыть телепорт на границе с Хаосом. Или силенок не хватает?

Эмил едва сдержался, чтобы не распахнуть магические ворота и не отправить дурака прямо туда, куда тому не терпелось попасть. Колдун сделал над собой титаническое усилие и ответил:

– Во время перемещения выделяется такое количество энергии, что твоя подружка из Хаоса сможет наесться до отвала. Но я не уверен, сможешь ли ты продолжить путешествие со сквозной дырой в туловище.

Гэл рыкнул в ответ что-то нечленораздельное и быстро пошел вперед. Ангел поспешил за ним. А вокруг продолжали полыхать волшебными холодными красками видения Тонкого мира.

Глава 5, в которой границы моего сознания вновь расширяются, хотя, казалось бы – дальше некуда...

Мы шли среди дворцов Тонкого мира уже давно. Первое потрясение от колонн, мостов и акведуков из бирюзового пламени постепенно прошло. Я перестал разевать рот от удивления при виде очередной возникающей из пустоты конструкции. Энджи спокойно наблюдал, как мимо проносятся стаи прозрачных существ, похожих на крошечных мотыльков – а ведь совсем недавно едва не свалился с моста от восторга, когда лазурная стая закружилась вокруг него, издавая тонкий мелодичный звон.

Один раз мимо нас проплыло нечто огромное, колышущееся. Оно напоминало медузу и светилось всеми оттенками синевы, а следом тянулась длинная, искрящаяся, кружевная бахрома. Это диво медленно развернулось, заслоняя архитектуру Тонкого мира, и вдруг с огромной скоростью помчалось куда-то вправо.

– Нам надо за ним, – подал голос колдун.

Последние два часа он молча ковылял, повиснув на шее калибана, а мы лицезрели его скрюченную спину и зад, обтянутые бордовым плащом.

– Он летит в Хаос, – Эмил повернул ко мне полуживотную морду. – Если мы последуем за ним, то сократим время.

– И как же мы, интересно, «последуем»? Полетим, что ли?

Ангел усмехнулся над сарказмом, прозвучавшем в моем голосе. Конечно, почему бы не посмеяться – у него-то крылья имеются. Хоть сейчас может сигать с моста.

– Нет. Не полетим, – сухо отозвался полукровка. – Скоро будет другой путь.

И «другой» путь действительно, появился. Узкий ажурный мост из синего дыма одним концом опирался на каменную дорогу, по которой мы шли, а другая – исчезала в неведомых глубинах Тонкого мира. Мост был такой же полупрозрачный, едва ли материальный, как и остальные «постройки», висящие в пустоте.

Колдун остановился, его слуга заскулил, переступая с лапы на лапу.

– Чего?! Нам *туда*?!! – от возмущения у меня перехватило дыхание, но я справился с одышкой. – Идти прямо по этому...?! Да ни за что!

– Другого пути нет, – сказал маг спокойно. Он вообще был подозрительно спокоен последнее время. Замыслил очередную каверзу или просто устал?

– Ты уже был здесь?

– Был. И, как видишь, жив.

Энджи надоело слушать наши препирательства, он молча отодвинул меня с дороги и шагнул вперед, одновременно меняя образ. Белые крылья развернулись за спиной, взмахнули, разбрызгивая золотистое сияние, и вукодлак издал странный звук, явно не вздох восхищения. Это было приглушенное злобное рычание. Я глянул на него и увидел в красных слезящихся глазах самую настоящую ненависть. Но она тут же погасла, сменившись усталостью и равнодушием. Похоже, мало у него осталось сил. Даже на злость не хватает.

Энджи наступил на синюю дымку, готовый взлететь в любое мгновение. Однако та оказалась на удивление крепкой, и, похоже, не собиралась рассеиваться, как ей было положено по всем законам мироздания. Ангел прошелся вперед-назад, подпрыгнул несколько раз, проверяя мост на прочность. Колдун подтолкнул калибана, и тоже зашел на полупрозрачную конструкцию. И теперь она не дрогнула.

Ладно, где стоят два демона, пройдет и третий. Я осторожно опустил ногу на обманчиво-ровную прозрачную поверхность и неожиданно почувствовал под ступней гранитную

твердость. Кроме того, наощупь постройка оказалась теплой. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что мост целиком вырезан из невероятно длинного куска кварца, внутри которого клубится густой дым.

Сначала я ступал с опаской, но с каждым шагом все больше убеждался в прочности нематериального, на первый взгляд, сооружения...

Итак, мы продолжали погружение в глубины Тонкого мира. Дворцы и колоннады исчезли. Вместо них появилось нечто невероятное. Все вокруг дышало, переливалось, качалось, бесшумно перетекало из одного в другое. Шевелящиеся деревья с синими звездами вместо листьев закручивались в длинные, непрерывно вращающиеся голубоватые спирали, из которых выплескивался сиреневый дым, и тут же застывал в виде причудливо изогнутых арок – те медленно падали вниз, таяли, растекаясь дымными струями, и каменели вновь. Мимо нас проплывали густые облака. Боковым зрением я замечал в их клубах намеки на какую-то форму, но как только поворачивался, она исчезала. И лишь полупрозрачный мост под ногами казался относительно прочным.

Глянув вниз, я увидел сквозь кварц бесконечную темноту, в которой светились невообразимые сады Тонкого мира. По центру моей груди вдруг прошла дрожащая волна, в ногах на мгновение появилась противная слабость, а живот свело судорогой. Мне показалось, что я стою в пустоте без верха и низа, на узенькой прозрачной полоске, непонятно из чего и кем сделанной. Тонкое стекло над пропастью... И в ту же секунду, мост подо мной «потек».

Вместо того чтобы позвать на помощь, я, разинув рот, смотрел, как погружаюсь в густую, вязкую субстанцию, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Сперва увяз по колено, потом провалился по пояс... Куски жидкого «кварца» разлетались в разные стороны и превращались в дым, еще до того, как я успевал ухватиться за них. Проклятый мост вокруг меня напоминал реку, забитую осколками льда. Я барахтался в ней, словно щенок, в полынье. Еще немного – и рухнул бы вниз, прямо сквозь все эти «деревья» и «спирали» с «облаками», но рядом зашелестели крылья. Мое лицо, окаменевшее от напряжения, обдул теплый ветер, и голос Энджи произнес заинтересованно:

– Может, ты, наконец, догадаешься позвать на помощь?

– П-помоги!!

Сильная ладонь схватила меня за запястье, рывком выдергивая из густого месива. Несколько минут я пытался отдышаться и прийти в себя. А потом понял, что не болтаюсь, уцепившись за руку ангела, а стою напротив него, хотя под моими ногами, по-прежнему, пустота. Партнер и соперник часто взмахивал крыльями, удерживая нас обоих в вертикальном положении, и насмешливо смотрел на мою обалдевшую физиономию.

– Что это было? – спросил я, нервно сглатывая.

– Ты испугался. Мост держит до тех пор, пока ты уверен в его материальности.

Я глубоко вдохнул, посмотрел вниз, на дыру в призрачной дороге, и признался честно:

– Я не уверен.

– Тогда мне придется нести тебя какое-то время.

– А тебе... не трудно?

– Нормально. – Он нахмурился на мгновение и попросил. – Только перестань представлять, как мы оба падаем вниз. Твои мысли приобретают здесь материальную форму.

Сейчас же мое воображение попыталось развернуться на полную катушку, но огромным усилием воли я заставил его заткнуться и постарался только созерцать. Поверхность моста была совсем рядом. Мы плыли, почти касаясь ее. Впереди ковылял колдун, которому, похоже, не было дела до моих затруднений. Он что-то бормотал, хрипло посмеивался, размахивал свободной рукой и вообще выглядел как абсолютно ненормальный.

– Вижу конец дороги, – сказал вдруг Энджи. Он крепче сжал мою руку, и мы «полетели» быстрее.

Мост закончился, упершись в вершину каменной колонны. Та поднималась из непроглядно-черной глубины, а вокруг сверкали, плескались, вздымались и падали бирюзовые видения Тонкого мира.

Ангел опустил меня на твердую площадку и встал на нее сам. Через пару минут к нам присоединился колдун. Он дышал так же тяжело, как и его мохнатый слуга. Обоих шатало.

– Мне надо... отдохнуть. – Маг ничком упал на камни. Калибан устроился рядом, опустив морду на вытянутые лапы.

Мы тоже сели. Потом я лег на спину и закрыл глаза. После бессознательного путешествия в подземный мир на носилках, которые тащили мертвецы, я давненько не спал. Но синий свет, вспыхивающий вокруг, был виден даже сквозь опущенные веки. А еще здесь было удивительно тихо. Ни шороха, ни дуновения ветра, слышно лишь как сопит калибан и хрипло сипит колдун. Поэтому внезапный вопль Энджи резанул по ушам, едва не оглушив меня.

– Гэл!! Гэл, смотри!

Я вскочил, сообразив, что успел задремать, схватился за меч.

– Чего орешь?!

Одной рукой ангел схватил меня за плечо, другой показывал куда-то в сторону и вверх.

Я глянул, и замер от изумления. Из пустоты, прямо на нас, несло гигантское, огненное, бешено крутящееся колесо. От соприкосновения с ним тонкие спирали-арки-цветы рассыпались. Казалось, пространство вокруг широченного белого обода кипит и пузырится. Обжигающая воздушная волна ударила в лицо, едва не сметя нас с колонны. Но вовремя проснувшийся колдун успел выкрикнуть защитное заклинание. Я видел, как он стоит, раскинув руки, и с его когтей радужным мыльным пузырем рвется магический щит.

Свист, гул ветра, нестерпимо белый свет. Колонна тряслась и, казалось, вот-вот рухнет в бездну. Я почти ослеп. Энджи рядом зажимал уши руками, и ветер заламывал его крылья, как у птицы, летящей против урагана.

Колесо пронеслось мимо и сгнуло в глубинах. Думаю, если бы оно прошло чуть ближе, нас сожгло бы наверняка. Шкура на мне в нескольких местах дымилась, у светлого оказались опалены брови и ресницы. Вукодлак тряс обожженными руками, когти на его пальцах почернели, то, что осталось от одежды, висело обугленными клочьями.

– Дьяво л вас всех заberi! Это что было?! – крикнул я, едва снова смог говорить.

Энджи опустился на камни и, похоже, был не в состоянии ответить на этот вопрос. Колдун же озирался, не обращая на меня внимания, и грозно звал слугу:

– Мьют! Мьют, где ты?! Куда ты делся, паршивец? Вылезай!

Калибан нашелся через минуту. То, что от него осталось. Наверное, с перепугу демоноволк выскочил из-под «щита», который уберег нас, и теперь на каменной поверхности лежал только слой пепла.

Полукровка опустился на колени, загреб горсть золы, просеял между пальцами. Тонкими струйками она посыпалась в темноту Тонкого мира, где уже снова расцветали прежние «арки» и «деревья».

– Жаль. – Сказал я, сам не зная зачем. – Хороший был зверь.

– Жаль, говоришь?! – Маг медленно повернулся ко мне, и его зрачки загорелись алой яростью. – Значит, тебе жаль? Скажешь, ты не знаешь, что это было? Кто убил его и едва не сжег нас?!

– Ну и кто?

Вукодлак оскалился и выговорил с отвращением, как плюнул:

– Ангел.

– Да ладно! Не может быть! Что я, светлых не видел? Они все нормально выглядят. Как этот. – Я кивнул на Энджи, который по-прежнему сидел, не поднимая головы.

– Это был ангел, Гэл. – Неожиданно подтвердил тот тусклым, ничего не выражающим голосом.

– То здоровенное колесо?! – Я неуверенно рассмеялся, но оборвал смех и тоже осел на камни. – Невозможно поверить. Даже представить невозможно... Но почему тогда... зачем он убил?

– Он не убивал! Он даже не заметил нас! – С непонятым отчаянием воскликнул мой друг. – Вряд ли он вообще знает о существовании людей, демонов, своих младших братьев, таких как я, Архэл, или Эрнол. Ему не интересны наши беды и наши радости! Он в тысячи раз старше срединного мира, его мощь неизмерима, его вселенную невозможно представить. Таким, как он, нет до нас дела! Понимаешь?! Они приходят из Огненного мира и сами они – Огонь! Он и не думал никого убивать, просто шел своей дорогой, а грубая материя вспыхивала при его приближении, рассыпаясь.

– Но, послушай, ведь ты... тоже такой... ну... почти такой же?

– Не такой. – Энджи улыбнулся невесело, коснулся опаленных волос. – Помнишь наш с тобой давний разговор о совершенстве? Так вот он, – Энджи посмотрел в сторону, где скрылся его сородич, – близок к вершине, а я – самая первая ступенька.

– Значит, есть еще и другие? Более могущественные?

– Да. Но я ничего не могу тебе рассказать о них. Не знаю.

Я шумно выдохнул, чувствуя себя так, словно заглянул в глубокий колодец, на дне которого ревет пламя. Жутко. И в то же время приятно осознавать, что ты-то стоишь на твердой земле, и в любое время можешь отойти на безопасное расстояние, не упав в огонь. А вот Энджи не отойдет. Может, через несколько миллионов лет, он тоже вынужден будет стать таким могучим, несокрушимым и чужим.

– И что, они ... разумны?!

– Они мыслят целыми вселенными. Но я не знаю, о чем они думают и что чувствуют. Просто не понимаю этого.

Я посмотрел в его глаза, но не увидел ничего, кроме отраженного сияния Тонкого мира.

– А тебе не страшно? Не боишься стать таким же когда-нибудь?

– Возможно, я и не стану. – Похоже, компаньону все же было не по себе от перспективы носиться по мирам, громя пространства и пребывая на одной из верхних ступеней совершенства.

– Слушай, но если этому твоему... родственнику вообще плевать на всех, то как же тогда хваленое ангельское добро? Милосердие, беспокойство о людях и вообще обо всех страждущих? В чем тогда разница между вами и нами?!

– Отличие в том, что демоны ничего не создают. – Неожиданно вмешался колдун, со злобной радостью посматривая на удрученного Энджи. – Они находят тех, кого смогут подчинить, и заставляют удовлетворять свои страсти и потребности. Поэтому им так нужен срединный мир. Там много корма, слуг, развлечений. Единственное желание, потребность и умение демонов – пожирать то, что уже существует вокруг. Это жадная трясина, которая засасывает все живое. Ну, а светлым – не нужны рабы и человеческая глина для существования в этом мире. Им вообще ни к чему люди. Они создают все, что хотят, сами. А уничтожать – одинаково умеют и те, и другие.

Вукодлак наклонился и ребром ладони смел пепел Мьюта в пропасть.

Некоторое время мы сидели молча, и я пытался сообразить, что еще в родственнике Энджи показалось мне странным.

– Ага! Я понял, на что он похож!

Оба спутника вопросительно посмотрели на меня.

– Такое же вращение, молнии по краю и огненную воронку в центре я видел в телепорте. Не в заклинании, хотя есть некоторое сходство, а в одном из постоянно действующих устройств, которое стояло в подземелье у Булфа. Огромное, крутящееся колесо.

Эмил отряхнул ладони от пепла и заговорил нормальным голосом, без обычного хрипа:

– Когда они перемещаются, то в определенных местах оставляют след или тень. Если получится пройти сквозь нее – можно перенестись в любое место по желанию.

– Ты хочешь сказать...

Он злобно зыркнул на меня и снова зарычал:

– А ты думаешь телепортационная магия сама свалилась на тебя с неба?! Ее кто-то принес. Идея ее, суть и основа, заключена в этом высшем существе, которое само по себе – живой телепорт, способный передвигаться в любом направлении, в любой мир!

Я вдруг подумал, что сумасшествие полукровки, возможно, гениально. Хотя, по мне, это чистая фантазия. Но ведь есть вероятность, что он прав... Колдун помолчал, а потом сказал:

– Кому-то придется помогать мне. Сам я идти не смогу.

Эта новость вытряхнула меня из состояния глубокой задумчивости. Отлично! Значит, теперь придется тащить на себе этого дохляка?!

– Без меня вы не доберетесь, – оскалившись в улыбке, заявил он, увидев выражение моего лица. – Не претендую на милость ангела, но оборотню придется потрудиться.

До чего же все-таки паскудный тип. Интересно, он был таким всегда или несколько тысячелетий жизни испортили его характер.

– Ладно. Только мне хотелось бы вначале узнать, куда идти. И как?

Мы стояли в центре каменной площадке на вершине колонны. Со всех сторон была пустота, и лишь узкий мостик уводил туда, откуда мы недавно пришли.

– Вам без меня не выбраться, – повторил колдун и оглянулся. – В какую сторону – должен ответить ты, оборотень.

Я прислушался к себе, мысленно спрашивая: «Куда?». Не думаю, будто тварь в моей спине понимала вопрос, но, видно, очень хотела вернуться домой и потому почувствовала, что от нее требуется. Она оживилась, когда я посмотрел налево, в сторону одного из бирюзовых деревьев. Спине стало горячее, кожа зачесалась.

Я показал направление, и вукодлак проковылял к самому краю площадки. Передвигался он согнувшись, почти касаясь руками земли, переваливаясь с боку на бок. Постояв несколько секунд, полукровка медленно поднял тощую руку, и меня тряхнуло – такой мощи силовая волна выплеснулась из его ладони. Энджи, внимательно наблюдавший за колдуном, поморщился. Видимо, его тоже зацепило высвободившейся энергией.

Навязавшийся на наши с ангелом головы спутник невнятно бормотнул. Забавно, я никогда не мог понять, что именно он говорит, когда колдует, и зачем. Для большинства заклинаний звуковой код не нужен. Однако, откликаясь на его неразборчивые слова, в пустоте появилась красная тропинка шириной в шаг. Один ее конец зацепился за колонну, другой понесся вперед, рассекая темноту.

– Быстрей! Быстрей!! – завопил колдун. – Мост не будет держаться долго!

То, что он назвал «мостом», сыпало искрами, дрожало и выгибалось как обезумевшая змея. И я был не уверен, что хочу идти по нему. Но вукодлак шустро подскочил ко мне, схватил ледяными костлявыми руками и вскарабкался на мою спину. Превозмогая странное отвращение к сородичу, пусть и полукровке, я не стряхнул его.

– Быстрей! Быстрей! – понукал он, вцепившись когтями. – Вперед!!

Какой же он оказался тяжелый, зараза! А я-то думал, этот скелет, обтянутый кожей, вообще почти ничего не весит.

На этот раз Энджи не стал проверять устойчивость новой дороги – он распахнул крылья и медленно полетел над красной тропой. Ангел, как всегда, хорошо устроился. А мне пришлось

мчаться, сломя голову. Сначала я попытался идти спокойно, но колдун тут же принялся пихать меня коленками под ребра и завопил:

– Бегом!! Быстрее!!!

Я оглянулся и увидел, как красная лента за моей спиной медленно тает. Пришлось припустить рысью.

Никогда в жизни я столько не бегал. Полудемон, висая мешком, бормотал что-то прямо над ухом, гнусно посмеивался и периодически начинал ерзать.

– Слушай, ты, – пропыхтел я на бегу, – сиди смирно, а то сброшу к Дьяво лу, никакая магия не спасет.

Он затих на минуту, а потом снова принялся бубнить и хихикать. Я старался не обращать на это внимания, поскольку сквозь его невнятную болтовню начал слышать еще кое-что. Шелест. Настойчивый шепот. Но слов было не разобрать.

Иногда мне удавалось глянуть по сторонам, отвлекшись от вынужденного созерцания дороги. Бирюзовые дымные конструкции исчезли, теперь вместо них кругом возвышались столбы из настоящего гранита и базальта разной толщины и высоты. Вокруг некоторых вилось нечто вроде полос тумана, излучающих ровное серебристое сияние и довольно хорошо освещающих все вокруг. А кое-где я замечал дыры в пустоте – круглые провалы, еще чернее, чем темнота Тонкого мира. Мои глаза будто отказывались видеть, едва взгляд попадал на них, хотя я не мог понять, как такое может быть.

Энджи летел впереди. То поднимаясь выше, то на одном уровне со мной. Парил, почти не взмахивая крыльями, и выглядел очень довольным. Похоже, соскучился по полетам. Я хотел предупредить его, чтобы был осторожнее, но он как раз исчез из поля зрения.

Гранитных столбов стало больше, и когда я поднял голову, то увидел, что наверху они расширяются, превращаясь в шестигранные зонты. Каменные пальмы?.. Туманные кольца вокруг стволов уплотнились и, пробегая мимо одного из них, я почувствовал жуткий холод.

Число черных провалов увеличилось. Красная дорога под ногами стала бледнеть и пружинила, проседая при каждом шаге.

– Эй! – окликнул я подозрительно притихшего мага. – Добавь мощности. Провалимся!

– Здесь нельзя колдовать, – отозвался он тихо. – Мы и так рискуем.

– погоди! То есть, как?

– Не останавливайся! Продолжай двигаться! Тут все очень нестабильно. Нельзя нарушать равновесие.

Что за бред?! Единственное равновесие, которое я не хотел бы нарушать – это свое собственное. И колдун на загровке не придавал устойчивости.

– Когти убери! Не впивайся в шею!

– Извини, – пробормотал он, и это был первый раз, когда он извинился передо мной. Небывалое дело! Я оглянулся, но Энджи не увидел. Наверное, ангел улетел вперед.

– Когда ты был здесь, все было также?

– Я не был здесь. Полчаса назад мы миновали место, куда я доходил в прошлый раз.

– Что?! Так ты не был?! Почему же не пошел дальше...?

– Вот поэтому! – воскликнул он с неподдельной тревогой в голосе, показывая вверх.

Я поднял голову. Одна из дыр оживала. Из ее глубины медленно выползала черная бесформенная субстанция. Кусок ожившей тьмы. Шерсть у меня на загровке встала дыбом, а сердце ухнуло вниз. Тварь бесшумно поплыла, заслоняя собой столбы и серебристый туман.

– Может, не заметит, – прошептал колдун, но существо издало низкий звук и ринулось к нам.

– Ну, давай, сделай что-нибудь! – крикнул я, отступая по дрожащей дороге.

– Не могу! Начну колдовать, погибнем все.

– Тогда давай назад!

– Нет! Мы пробьемся! В этот раз пробьемся!

Похоже, он окончательно свихнулся. Я повернулся, готовый броситься назад, но дороги не было. Мы стояли на крошечном красном обрывке магического моста. Я не мог двинуться ни назад, ни вперед.

– Да сделай ты что-нибудь!

– Я – не могу! Он сделает.

Навстречу черной твари вылетел Энджи. Меч в его руке ослепительно сиял.

– О, нет! Только не это! Он не справится один!

– Справится! Должен справиться...

Ангел медленно приближался к бесформенной твари. Та замерла, словно сомневаясь, стоит ли связываться с незнакомым противником, излучающим белый свет. А, может, просчитывала, куда лучше нанести удар.

– С ним возможно договориться? Чтобы оно пропустило нас? – спросил я колдуна, не отводя взгляда от приятеля и черного пятна, осторожно кружащих друг напротив друга.

– Не знаю... – маг прошептал едва слышный приказ, и нас вместе с обрывком магической дороги отнесло в сторону, к одному из столбов. Мне показалось, что он соврал, как всегда. Все он знал.

– Энджи! – крикнул я, не обращая внимания на предостерегающее шипение полудемона и его когти впивающиеся в плечи. – Уходи! Не трогай его!

Не знаю, услышал ли меня товарищ, но тварь услышала точно. Она снова издала низкий гудящий звук, отзывающийся дрожью в грудной клетке, и бросилась. Из середины темной массы вылетело длинное тонкое щупальце, похожее на копье и ударило в то место, где Энджи был секунду назад. Ангел увернулся и, рубанув по черному отростку, перерубил его. Тонкая извивающаяся плоть отделилась от тела врага, но тут же снова слилась с ним, и существо атаковало еще раз. И еще. И опять...

Энджи взлетал выше, уклонялся от ударов, падал вниз, складывая крылья, снова взмывал вверх. Его меч кромсал тварь на куски, сыпал белыми искрами, описывая сверкающие дуги и полумесяцы. Но, похоже, это не вредило чудовищу. Бесформенное тело срасталось после каждой раны.

– Мы можем пройти сейчас, – шепнул мне на ухо колдун. – Пока оно занято и не видит нас.

Я не сразу сообразил, что он предлагает мне, и даже не рассердился, продолжая следить за воздушными пируэтами ангела, сжимая и разжимая кулаки.

– Советуешь бросить его?

– Советую спастись, пока не поздно.

– Сиди и не рыпайся! А то сброшу к Дьяво лу!

Он рыкнул что-то злобное, и сполз с моих плеч.

Похоже, крылья нужны ангелам все-таки не только для красоты. Один взмах, и Энджи завис над тварью. Вонзил в нее меч. Отлетел в сторону. И опять ударил, теперь снизу. Только ведь все равно непонятно, где у нее верх, а где низ, и что с ней – может, она уже на последнем издыхании, а, может, только начала входить во вкус драки.

– Ты не понимаешь? Если мы останемся, то погибнем!

– Заткнись.

Ангел пропустил один удар щупальца, черное «копье» задело его бедро... Нет, не задело, пролетело совсем рядом. Однако Энджи вдруг шарахнулся в сторону, схватился за ногу свободной рукой. Крови не было заметно, но, похоже, ему было очень больно и стало труднее уворачиваться.

– Надо сделать что-то! Мы не можем просто стоять и смотреть! Что мы можем сделать?

– Уйти отсюда! Сначала оно добьет его, а потом примется за нас!

– Что мы можем сделать?!

– Ничего! – завопил вукодлак пронзительно, брызгая слюной из волчьей пасти. – Здесь нельзя колдовать! Понимаешь, ты?! Это место изуродовано Высшими демонами! Они пытаются строить свое пространство, но творить, как ангелы, не могут. Поэтому им приходится выдирать куски из Тонкого мира. Люди берут камень и глину для домов, а темные разрушают ткань пространства. Остаются пустоты, провалы, дыры. Если здесь произойдет всплеск энергии – все рухнет. Слишком тонкие связи в материи.

Он говорил что-то еще, но я уже не слушал его. Тварь поняла – ее враг слабеет. Она бросалась все стремительнее, Энджи едва успевал отбиваться.

– Помоги ему!

– Нет.

– Оно его убьет!

– Сначала его, а потом нас! Не будь дураком! Спасайся, пока есть возможность!

Спасаться? Единственное, что всегда беспокоит демона – это он сам. Его собственная шкура. Если продлить дорогу вон туда, к двум близко стоящим друг к другу колоннам и побежать, можно успеть. А бегать я умею очень быстро.

Тварь снова взвыла и ударила, но на этот раз не отростком. Это было похоже на черную воздушную волну, пульсирующую и закручивающуюся в воронку. Энджи не успел увернуться. Его бросило в сторону. Швырнуло спиной на каменный столб. Мой инстинкт самосохранения взвыл, требуя немедленно убираться из опасного места, но я почему-то продолжал стоять, сжимая бесполезный меч.

– Давай! Беги! – завопил колдун, удлинняя «дорогу». – Вперед!!

Личинка у меня в спине зашевелилась. Ангел скользил вниз по колонне не находя опоры, пытался взмахнуть крыльями, но не мог. Еще один воздушный поток хлестнул его, выбив меч из руки, и тот, сверкнув, полетел в пустоту.

– Беги, же!!

Я сделал шаг вперед. Крылья Энджи, прижатого к колонне ветром, бились и заламывались беспомощно. Он не звал на помощь, хотя, может, его голоса просто не было слышно. Спину резануло болью.

– Что ты делаешь?! – завопил колдун, пятясь от меня и трясясь от злобной беспомощности. – Ты убьешь всех! Хочешь сдохнуть – подыхай, но дай *мне* уйти!

Но я не стал дожидаться, когда он забьется в безопасный угол. Ударил темную тварь, вложив всю силу в заклинание разрушения. Невидимая стрела вонзилась в черное бесформенное тело и, за мгновение до того, как мир разорвался на куски, я увидел, как Энджи взлетел вверх.

Черная пустота вокруг меня лопнула, раздираясь, как прогнившая тряпка. В образовавшиеся прорехи хлынул поток красного кипящего света. Каменные столбы, шатаясь, рушились в бездну. Оплывали, как свечи, касаясь багровых струй огня, захлестывающих тьму. Кольца тумана отрывались от каменных оснований и плыли, покачиваясь, словно хлопья пены на волнах. Пространство Тонкого мира закручивало и взбалтывало. Ветер свистел, грохотали камни...

Колдун исчез. Наверное, успел телепортироваться. Ангела тоже не было видно. Я падал. Медленно... Слишком медленно в этом клокочущем безумии. Мимо проносились черные скалы и светящиеся алебастровые пятна. Наверное, так можно было лететь целую вечность. Все ниже и ниже. Хотя здесь, вроде, нет ни верха, ни низа.

Шкура на моей спине лопалась от боли. В ушах стоял пронзительный визг, заглушающий вопли раздираемого на клочки мира. Наверное, я потерял сознание на какое-то время, потому что неожиданно понял – падение прекратилось. Вокруг расплывались багровые пятна. Меня тащили, крепко держа за плечо.

– Помоги мне, – услышал я неожиданно сиплый, как будто простуженный голос Энджи, но даже не успел обрадоваться, что он жив, не смог ответить, что не могу ему помочь – я услышал в своей собственной голове шепот. Сначала тонкий и визгливый, потом вдруг невообразимо красивый, музыкальный и чувственный, как у сирены, а затем снова срывающийся в пронзительный визг:

- Мне больно! Больно! Он убивает меня! Все горит! Жжет!
- Потерпи. Еще немного. Помоги мне, и я помогу тебе.
- Что сделать?
- Покажи дорогу в Хаос.
- Он уже здесь! Течет везде. Рвется.
- Мне нужны Зеркала времени.
- Вперед. Через провал.

Боль чуть отпустила, и я вдруг понял, с кем разговаривает ангел. С личинкой «гризельского мрамора» в моей спине. Значит, всплеск энергии во время колдовства оживил ее. Дал сил.

- Энджи...
- Тише, Гэл. Мы почти добрались.
- Не уверен, что доберусь. Больно, сил нет. И не вижу ничего.
- Терпи. Ей тоже больно. Твоя демоническая кровь убивает ее хаотическую сущность и наоборот.

- Что у тебя с голосом?
 - Вдохнул слишком много Хаоса, – ответил он с хриплым смехом.
 - Где колдун?
 - Не знаю.
 - Что вокруг?
- Ангел не ответил.

Голова кружилась, спину резало. Долгий стон существа, замурованного в моем теле, непрерывно звучал в голове. Полет Энджи стал неровным, его как будто бросало из стороны в сторону, швыряло ветром вверх-вниз. Один раз мою руку задело что-то твердое.

- Камень?...
- Туда! – зазвучал в ушах нежно-мелодичное. – Лети! Падай!

Я почувствовал, как Энджи сложил крылья, устремляясь вниз. Зрение вернулось не вовремя – мы неслись прямо на гранитную глыбу, плывущую в красном потоке. Еще мгновение – и врежемся. Кажется, я завопил, попытался вырваться, а потом зажмурился, сжался, ожидая удара, но так и не дождался его. Меня окатила прохладная волна, по коже под шерстью побежали мурашки, и я решился поднять веки.

Мы, по-прежнему, висели в пустоте. Далеко внизу кипел огненный водоворот. Из него выплескивались длинные кипящие струи, взлетали вверх и падали обратно. Справа расплывалась серая муть, в которой невозможно было ничего рассмотреть, а слева чернели каменные глыбы, отсвечивающие серебром.

- Туда, – хрипло сказал Энджи и кашлянул, прочищая горло. – Похоже, туда.

Я потер слезящиеся глаза и посмотрел на ангела. Что-то было не так с его лицом. На первый взгляд, вроде все нормально: ни порезов, ни ссадин. Обычная утомленная физиономия, у меня после драк и не такая бывала. И, все же, он выглядел ненормально. Не так, как раньше.

- Помоги! – взвизгнуло вновь в голове испуганно.

– Сейчас, – отозвался Энджи, приземляясь на обломок скалы, кружащийся неподалеку от зеркал.

Значит, мы все-таки добрались до них. Я растянулся на камнях. Спину жгло, как будто по ней тек жидкий огонь.

– Слушай, Энджи, похоже, эта тварь рвется наружу.

– Я знаю. – Ангел снял меч с моего пояса, осмотрел лезвие и удовлетворенно кивнул. – Ей надо помочь.

Я не успел даже открыть рот, чтобы возмутиться, когда он одним махом рассек кожу у меня на хребте. Одним быстрым движением опытного мясника. Я взвыл, рванулся, чувствуя, как хлынула кровь, услышал треск собственной шкуры, перевернулся на бок и вдруг увидел... Нечто светящееся, переливающееся всеми оттенками красного, похожее на смятый кусок шелка. Черные струйки моей крови стекали с него, а оно медленно разворачивалось, повиснув в воздухе.

Существо было похоже на морского ската, только прозрачное, сияющее и волшебнo-прекрасное. Я не мог разглядеть ни его тело, ни лицо, видел только два широких багровых крыла. Они росли, становясь огромными, как паруса. И каждый их взмах нагонял волну горячего воздуха.

Несколько мгновений невероятное создание висело над скалой, потом издало громкий, протяжный крик и неторопливо поплыло в сторону воронки, кипящей огнем.

Я следил за его полетом до тех пор, пока оно не нырнуло прямо в центр пламени. Потом закрыл глаза и прижался лбом к холодным камням.

– А в стадии личинки она выглядела омерзительно, – Энджи снова кашлянул, безуспешно стараясь вернуть голосу прежнюю ангельскую мелодичность, и принялся залечивать мою спину.

Боль прошла на удивление скоро. Голова перестала кружиться. Зрение прояснилось окончательно. Но, самое главное, теперь я снова мог колдовать! Последняя мысль оказалась поистине исцеляющей. Я оттолкнул руку компаньона. Вскочил. Потянулся и почесал чуть саднящие лопатки. Шерсть на них кое-где вылезла, остались широкие проплешины, но это ерунда.

Я прокрутил в голове длинное заклинание и неторопливо, с удовольствием развернул телепорт.

– Прошу, дорогой друг. Теперь мы вновь можем путешествовать с комфортом.

Энджи, сидящий на камнях, криво улыбнулся. Его руки по локоть были в моей крови, черные пятна расплывались по драной тунике и стекали с крыльев. Похоже, лекаря неплохо окатило, когда он вспорол мне спину.

– Не болит? – спросил он без прежнего сочувствия в голосе, почти равнодушно.

– Нет. Нормально. Спасибо.

– Хорошо. – Ангел встал, вытер грязные руки подолом туники. – Еще один раз я спасаю тебя, и мы квиты.

Он распахнул крылья и полетел к мрачным громадам зеркал. Я шагнул в телепорт.

Глава 6

Путь к Хаосу

Дорога была усеяна не огненными ловушками и не разрывами пространств, а трупами волков. Девятнадцать раз Эмил пытался пробиться к Хаосу и каждый – возвращался обратно, теряя всех, с кем шел.

Бьянка и Серый не выдержали холода зимнего мира. Пришлось делать остальных более устойчивыми к морозу. Рисла и Дьюну убили излучения нижнего мира, и колдун несколько месяцев вливал в других зверей защиту от эманаций Домов мертвых. Дуна и Риту сжег огненный плющ. Ари взбесился, увидев картины Тонкого мира, и он убил его сам. Пуну задрал снежный медведь, когда она бросилась защищать Эмила. Мьюта распылил тетраим, которому вздумалось прогуляться по чужому пространству. И сколько их еще: убитых, замерзших, сожженных, не проснувшихся после сонного зелья.

«Они думают, мне все равно, – бормотал колдун, лежа на обломке скалы медленно плывущей по кипящему морю Хаоса. – Они ненавидят меня. Они ничего не знают». Кер сидел рядом, и его слепые глаза отсвечивали красным. Молчал. Черный силуэт стервятника с лицом старика.

«Я слишком устал. Надо отдохнуть...» Дряхлое тело Эмила не могло вместить в себе всю накопленную мощь, и ему казалось, что сосуды звенят от магической силы, текущей в крови. Рана на груди опять открылась и ныла, не переставая.

На лицо полудемона упала тень. Багровый силуэт либрестина заслонил свет. Живой парусник Хаоса, вечный странник никогда не останавливался и не садился на скалы. До самой смерти. Медленно взмахивая крыльями, величавое создание летело по одному ему известным тропам.

Эмил вспомнил, что личинку либрестина, «гризельский мрамор», носил в себе оборотень. Или носит, если все еще жив. Колдун испытал мгновенную злость, вспомнив о бестолковом спутнике. Он нисколько не сожалел, что бросил оборотня с ангелом. Его не волновало, удалось ли им спастись. Главное они совершили – довели его до зеркал. Остальное не имело значения, он не собирался губить дело своей жизни из-за чужой глупости.

Полудемон поднялся. По-звериному принялся.

Справа тек широкий поток огня. Сначала он струился по невидимому руслу. Потом, превращаясь в водопад, лился вниз, закручиваясь гигантской воронкой. И снова устремлялся наверх, вопреки всем известным Эмилу законам мироздания.

Впереди растекалась чернота, в которой время от времени мелькали белые вспышки. А чуть левее – возвышались нагромождения гигантских камней.

Колдун протянул руку и заставил свою скалу двигаться быстрее.

Издали казалось, будто обрывистые «склоны» скал облиты серебром, излучающим едва заметное сияние. Но когда черные глыбы приблизились, закрывая собой дрожащие огни Хаоса, стало видно, что они покрыты зеркальной сетью. Она слегка дрожала, словно под порывами ветра, и выгибалась.

Здесь было холодно. Не обычный зимний мороз – мертвенная стужа пронизывала не только тело, но и душу, сознание... Страхивая оцепенение, Эмил потер уши, потряс головой: «Что делать дальше? Я не знаю... Подсказать некому, придется довериться чувствам».

Он начал медленно двигаться между зеркалами. Некоторые их ячейки были пусты. Другие серебрились едва заметно. Третьи оказались заполнены желеподобной массой, похожей на ртуть.

Возле одного из таких залитых провалов Эмил остановился и, повинуясь непреодолимому желанию прикоснуться к блестящей поверхности, протянул руку. Пальцы утонули в густой жиже. Колдуна потянуло вперед, и он послушно шагнул навстречу времени.

Непроглядная мгла окутала все вокруг... Но постепенно она рассеялась, впереди лениво потекли серебряные струи. А затем полудемон ощутил чужое присутствие. Оборотень был где-то рядом. И ангел маячил поблизости. Значит, тоже добрались.

Эмил усмехнулся. Эти двое не были вольны, в отличие от него. Они послушно шли за Ритуалом, и тот швырял их из будущего в прошлое. «А я свободен, – с удовлетворением кивнул себе колдун. – Я действую вопреки всему. Я *сам* хочу понять, что произошло».

Пространство перед ним кипело ртутным серебром. «Я хочу знать...» – прошептал Эмил и замолчал. Он находился рядом с источником, который мог поведать о любой тайне мироздания, и не знал, с чего начать. *Что* самое главное? За что схватиться в первую очередь?

Четкие конкретные вопросы, которые он держал в голове, вдруг рассеялись. Их заглушили бессмысленные чувства, ослепляющие логику: «Я не хочу жить шесть тысяч лет в зверином обличье! Я не хочу ползать на четвереньках, загигаясь от боли! Я устал от чувства вины, пожирающего душу... то, что нее осталось. Я мечтаю напоить наконец ненависть, высушившую меня изнутри... Покажите мне... покажи мне все. Что я сделал не так?! Что привело к моей затянувшейся смерти? Нет, не предательство отца... Я сам знаю об этом. Что было раньше? С самого начала!»

Колдун ощущал – тело его продолжает висеть в коконе из сверкающей ртути, а сознание летит сквозь тьму. Все быстрее и быстрее. Разноцветные, размытые образы замельтешили вокруг. И кружили, пока внезапно не сложились в четкую картину. Эмил почувствовал, что остановился. Замер, застыл... И медленно открыл глаза...

Он лежал не шевелясь, в углу, прижавшись животом к теплым доскам пола, опустив голову на вытянутые лапы, чутко прислушиваясь. И чувствовал себя в центре запахов и звуков.

Скрипели половицы, звучали тихие голоса. За стеной скреблась, попискивая, одинокая крыса, гудел ветер. Пахло деревом от пола, тянуло сыростью, мышами, жареным мясом, сеном.

Рядом раздались быстрые шаги. Прошелестел подол юбки. Головы коснулась теплая рука, погладила робко, готовая в любую минут отдернуться. Он поднял взгляд и увидел женщину в сером платье. Грудь, стянутая простым корсажем, вздымалась часто, взволнованно, как будто крестьянка с трудом душила в себе слезы.

– Эмил, – голос нежный, дрожащий все теми же не пролитыми слезами. – Поешь, пожалуйста. Тебе надо поесть.

Перед носом оказалась глубокая глиняная миска. Из нее остро пахло мясом. Сочные куски плавали в густой подливке. Пасть наполнилась голодной слюной, но он отвернулся от угощения.

– Ты должен есть!

– Нельга, не надо, – послышался юношеский голос.

– Он ничего не ест уже третий день! Я не знаю, как заставить. Как уговорить!

Девушка замолчала, потому что Эмил поднялся. Вышел на середину комнаты. Осмотрелся. Закопченная печь, лавки, дверь. На стене – обломок мутного зеркала. Полудемон посмотрел себе в глаза и почувствовал, как раздваивается. Одна его половина висела, беспомощная, в Хаосе, другая стояла на дощатом полу в теле огромного, косматого волка.

«Я должен это запомнить. Это важно».

Женщина со слезами на ресницах держала миску с едой. Волк знал ее. При виде этих золотистых длинных кос и натруженных рук сердце начинало колотиться, и наваливалась такая тоска, что хотелось выть.

Колдун медленно повернулся. Надо было уходить. Немедленно. Он не знал, почему хочет уйти. Что-то гнало прочь.

Зверь пошел к выходу, но женщина подбежала к двери первой, загородила ее.

– Нет! Не уходи! Ты не можешь уйти! Я не пушу тебя!

Он посмотрел ей в лицо, и она, закусив губы, отошла.

Волк выпрыгнул в темноту и побежал. А вместе с ним Эмил. Пока он не мог осознать себя до конца зверем, полностью слиться с его памятью. Получалось только наблюдать. Следить издали и время от времени переживать чужие чувства. Он следовал за прошлым и ждал, когда все вспомнит.

Ночь пахла холодом. Черной зубчатой стеной стоял лес. Пожухшая трава никла к земле. Было тихо. Никто не шуршал, не шелестел, не пробежал мимо на мягких лапах. Пусто. Мыши забрались в норы, змеи уснули, свившись клубками, птицы улетели. Крупные звери ушли в глубь чащи.

Эмил бежал вперед, прислушиваясь к себе. Магических сил почти не было, лишь где-то в глубине тлела искорка, которая поддерживала человеческий разум в волчьем теле, не давая скатиться до звериной тупости.

«Надо найти источник. Любой. Надо вернуть силу», – это была первая связная мысль, которая четко прозвучала в голове. Остальные – невнятный, глухой шум...

Несколько ночей он шел лесными тропами, полагаясь только на звериное чутье и голод, разливающийся в душе. Обнюхивал черные валуны, лежащие под деревьями. И, узнавая знакомые запахи, вспоминал дорогу.

На пятые сутки впереди показались развалины. Гигантские камни валялись на развороченной земле. Под ними лежали сломанные в щепки деревья. Из горла волка вырвалось тихое рычание. Он подошел ближе. Принюхался. Раньше здесь был мощный источник темной силы, но он иссяк. Уничтожен. Ничего не осталось...

Эмил снова почувствовал тоску, сожаление, почти физическую боль. Скорее догадался, что это его дом, чем узнал его. Всю ночь он бродил по руинам. Обнюхивал камни, переворачивал некоторые из них. Но гранит и земля под ним были мертвыми.

А рано утром волк слышал крадущиеся шаги и человеческие голоса. Затаившись в кустах, зверь глядел сквозь ветви.

Два крестьянина, вооруженные вилами, поминутно оглядываясь, подбирались к его логову. Испуганно-любопытные лица, крепкие загривки, настороженно шарящие по сторонам взгляды.

– Слышь, зря мы сюда, – бормотал один, поминутно оглядываясь через плечо. – Вдруг он здесь где.

– Да нет его, говорят тебе, – отвечал второй, явно гордясь собственным мужеством. – Помер колдун.

– Не надо бы, – продолжал ныть боязливый. – Вдруг душа его еще тут бродит. Да и не осталось ничего. Одни камни.

– У него золота полные подвалы были. Может, чего высыпалось. – На туповатой физиономии храбреца появилось выражение неудержимой жадности. – Иди-пошевеливайся! Богатством разживемся, спасибо еще скажешь, что тебя привел.

Черная ярость зашевелилась в душе Эмила. Двое оборванцев собрались грабить его дом, копошась в поисках несуществующих сокровищ. Осквернять своим гнусным любопытством то немного, что осталось от его прошлого... Грозный, низкий рык вырвался из его глотки. Крестьяне, цепenea от ужаса, медленно повернулись и увидели огромного зверя с оскаленной пастью.

Вилы выпали из ослабевшей руки храбреца. Он завопил и бросился бежать. А его приятель застыл на месте, глядя на зверя пустыми остекленевшими глазами.

Легкая добыча. Эмил опрокинул его на землю, вцепился в шею. Из разорванного горла брызнула кровь. Минуту тело дергалось и билось, потом затихло. Волк облизнулся и бросился за вторым. Догнал на краю поляны. Этого не стал убивать быстро. Притащил визжащую и почти не сопротивляющуюся жертву к развалинам, бросил на камни.

Парень увидев своего соседа, валяющегося в луже крови, не придумал ничего лучшего как грохнуться на колени перед полудемоном и заскулить:

– Господин, колдун! Не убивайте! Больше никогда... Никогда больше...

Он пытался выговорить, что больше никогда не придет сюда. И Эмил верил – действительно не придет.

Демоны тянут силу из человеческой боли и ужаса. Он тоже был демон, пусть всего лишь наполовину. Тонкая ниточка тепла и жизни. Совсем немного, но лучше, чем ничего.

Спустя час, Эмил сидел, осматривая себя. Уже не лапы, но еще и не руки. Шерсть. Волчья морда слегка изменилась, однако способность говорить, по-прежнему, была утеряна. Одной смерти, пусть и мучительной, мало. Он поднялся, равнодушно обошел то, что осталось от крестьянина, послужившего энергетическим источником, и побежал в лес.

За три дня колдун убил еще двоих – старуху, собиравшую травы, и оборванного пьяницу, храпящего под кустом.

На четвертый день блуждания в чаще Эмил наткнулся на поляну, по краю которой росли искривленные больные деревья с бледно-зелеными поганками у корней. В центре ее виднелась проплешина. Люди называли такие места ведьмиными кольцами и старались держаться от них подальше.

Колдун вышел в круг и принялся рыть землю. Затем лег в неглубокую яму, вжался в почву. Снизу сочилась слабенькая аура темной силы, и он терпеливо собирал ее капли, не двигаясь с места целые сутки...

Как он и ожидал, тело стало меняться. Однако вместе с изменениями пришла боль. Она выкручивала суставы. Сводила челюсти. Скручивала удлиняющиеся пальцы. Вонзалась в распрямляющийся позвоночник. Эмил катался по траве и стонал сквозь зубы уже совсем по-человечески.

Потом долго лежал, не в силах пошевелиться, сквозь усталость чувствуя сосущую боль в душе и сокрушающее чувство вины. Он хотел убивать, чтобы отгородиться от него. Но чем больше было смертей, тем сильнее становился «голод». После каждой новой жертвы смутное ощущение покоя возвращалось. И так же быстро проходило. Черная бездна, распахивающаяся в душе, требовала новых чужих мучений, новой силы, а желудок – новой крови.

На шестой день он поймал кролика. Волчье чутье подсказало, какое вкусное и теплое у него мясо, как приятно захрустят на зубах тонкие косточки. С голодным рычанием он разорвал маленькую тушку зверька, вгрызаясь в его бок, и вдруг услышал совсем рядом, у дерева, за которым сидел, тихий шорох, шаги, размеренное человеческое дыхание.

Колдун выпустил добычу и резко обернулся. У дуба стоял мальчишка-подросток, которого он уже видел в лачуге, где очнулся и откуда убежал. Лицо этого смертного отличалось от туповатых физиономий местных жителей. Кудрявые каштановые волосы были аккуратно причесаны, и пахло от него не навозом и потом, как от деревенских жителей, а лугом, земляникой...

Эмил заглянул в янтарно-карие глаза и вдруг, на мгновение, увидел себя со стороны. Полузверь, полудемон, жуткая сгорбленная тварь, покрытая клочьями шерсти, с оскаленной звериной пастью и черными когтями, испачканными свежей кровью. Любой, увидев такое в лесной чаще, бросился бы прочь, вопя от ужаса.

Но мальчишка продолжал спокойно рассматривать его, не собираясь уходить. И почему-то не боялся. От него не веяло кисловатым запахом страха, который принуждал мгновенно броситься на дрожащую жертву. Голодное рычание заклокотало в горле волка, задние лапы,

напряглись, готовясь к прыжку. Зверь уже представлял, как вопьется в незащищенное человеческое горло, но подросток вдруг заговорил:

– Эмил, – произнес он тихо. – Ты меня не узнаешь?

Что-то смутное, раздражающе знакомое было в его голосе и взгляде. Рычание на мгновение стихло в глотке полудемона, он пристальнее взгляделся в человека. Но мутная ярость снова резанула изнутри, и волк опять оскалился.

– Я Мёдвик, – тот медленно шагнул вперед, протягивая руку. – Я искал тебя. Ты меня совсем не помнишь?

Колдун попятился, не спуская взгляда с длани, тянущейся к нему.

– Эмил, – прошептал мальчишка. – Я хочу помочь.

Его голос приводил волка в смятение, пробуждал в памяти какие-то давние, почти забытые чувства. Тревогу. Колдун понял, что не может убить странного подростка, не испытывающего страха. Лучше уйти, оставить его в покое.

Волк отступил на шаг. Отвернулся. И тут его головы, покрытой землей и засохшей кровью, коснулась легкая ладонь. Эмил замер, не зная, что делать – впиться в руку, посмеявшуюся дотронуться до него, или стоять, не двигаясь, впитывая тепло, исходящее от нее.

– Пойдем со мной. – Мёдвик не просил, он приказывал, мягко, но настойчиво. – Идем...

Колдун снова зарычал, не зная, как поступить.

– Не надо, – тихо ответил мальчишка, в ответ на его угрозу. – Тебе будет только больнее... Идем со мной, я помогу.

И вукодлак послушался. Он пытался передвигаться как прежде, на четырех лапах, но мальчик не позволил.

– Я знаю, что больно. Но ты человек. Помни о том, что ты – человек.

Идти прямо было трудно, однако он снова подчинился, завороченный тихим голосом.

Они медленно шли через чащу, продирались через кусты, перелезали через кучи бурелома. Один раз пересекли широкую лесную дорогу. Совсем недавно здесь проехала телега, крепкий запах лошадиного пота все еще стоял в воздухе. Колдун шумно принюхался, но Мёдвик снова заговорил с ним, и мысль об охоте забылась.

Время от времени смутное беспокойство начинало шевелиться в душе колдуна, но его заглушал тихий голос человека.

Долгий путь через лес закончился на солнечном берегу круглого озера. Здесь у самой воды догорал маленький костерок. От него едко пахло горящим можжевельником и еще чем-то незнакомым. Едва этот запах коснулся ноздрей полудемона, как он почувствовал слабость. Она медленно разлилась по всему телу, наполнила голову тяжелым туманом. «Опасность!» – закричало во весь голос звериное чутье, но бежать было поздно.

Вукодлак вдруг понял, что не может стоять. Лапы подогнулись и мягко опустили его в траву. Тихое рычание вырвалось из пасти и тут же смолкло, сжавшееся горло больше не могло выдать ни звука. Веки потяжелели, но прежде чем зрение погасло, Эмил увидел, как Мёдвик вытаскивает из костра длинный прут с раскаленным кругом на конце, таким обычно клеймят животных, и медленно приближается к нему...

Колдун проснулся от боли. Но теперь она жгла не изнутри, а снаружи. Болело солнечное сплетение, запястья, ступни, голова... Он понял, что лежит на спине, а над ним раскинулся купол ночного неба, куда летят красные искры. Едва слышно плескалась вода в озере. От земли тянуло прохладой.

Эмил попытался перевернуться на бок, и со второй попытки это удалось. Он увидел кромку берега, заросли пожухшего камыша, костер. Возле него сидел тот самый подросток, который привел сюда. Голова мальчишки клонилась на грудь, каштановые волосы завесили лицо. В руке Мёдвик держал все тот же длинный железный прут.

Колдун приподнялся. Он находился в круге, выложенном разноцветными камнями – белыми, розоватыми и черными. На внешней стороне каменной линии были нарисованы символы защиты и подчинения. Полудемон в недоумении протянул руку (она оказалась черной с длинными когтями, и это тоже слегка удивило его), чтобы дотронуться до ближайшего знака, но его вдруг отшвырнуло назад и обожгло. Боль, вспыхнувшая во всем теле, была такой сильной, что он зашипел. Схватился за ладонь и увидел на ней глубокий красный ожог в форме двух полумесяцев. Точно такие же раны оказались на груди и на ногах – их выжгли раскаленным железом.

Мёдвик вздрогнул, просыпаясь. Вскинул голову.

– Ты очнулся? – произнес он с улыбкой.

– Что... ты... сделал? – с трудом выговорил полудемон.

– Ну вот, – обрадовался тот. – Ты уже можешь говорить! Значит, я все делал правильно.

Подросток подошел ближе, и колдуну стало видно, какое у него утомленное лицо. Рука, все еще сжимающая прут, дрожала, а одежда местами была порвана и испачкана.

– Это ты сделал? – Эмил посмотрел на ладонь, где краснел глубокий ожог.

Мальчишка не стал отнекиваться и скромно кивнул. Полудемон взревел от ярости и бросился на него, но невидимая стена снова швырнула его на землю. Раны обожгло.

– Значит, еще недостаточно. – Подросток заботливо смотрел на колдуна, корчившегося в круге от боли. – Ты еще не совсем пришел в себя.

– Выпусти меня!

– Не могу. Ты вредишь себе. – Мёдвик вернулся к костру и опустился возле него на колени, раздувая угли. – Убиваешь людей и превращаешься в монстра.

– Разомкни круг! – рыча от ненависти и злости, колдун вновь бросился на невидимый барьер. И снова был отброшен.

Каждая неудачная попытка пробиться сквозь магическую границу причиняла новые страдания и вызвала новую вспышку ярости. Вукодлаку хотелось добраться до человечихи и разорвать его в клочья, но тот оставался недостижимым.

Мёдвик, кусая губы, смотрел, как беснуется запертый колдун. Потом он вдруг решительно тряхнул каштановыми кудрями, поднял прут, помедлил секунду и сунул его в огонь. Сейчас же жуткая боль прошла все тело полудемона. Его жгло изнутри и снаружи, выкручивало и встряхивало. В какое-то мгновение мучение стало непереносимым, а потом земля, взрытая его когтями, вдруг оказалась у самого лица.

Эмил лежал, прижимаясь щекой к холодной глине, а сверху на его висок, лилась ледяная вода. Повернув голову, он увидел все того же малолетнего мучителя с кувшином в руках.

– Что... изгонял из меня... демона? – прохрипел колдун, вставая на четвереньки и мотая головой так, что брызги полетели во все стороны.

– Изгонял. – Подросток сел рядом, поставил кувшин между колен. Поправил несколько камешков, образующих круг. – И тебе уже лучше. Я видел, как ты оборачиваешься из человека в зверя, и повторил все в обратной последовательности. Наверное, убийства, которые ты совершил, чтобы вернуть силу, мешают мне полностью завершить твою трансформацию. Нужно больше времени...

– Что ты болтаешь?! – прорычал Эмил, растирая ноющую грудь. – Кто ты такой?

– Меня зовут Мёдвик. – Терпеливо повторил мальчишка. – Я твой ученик. Помнишь? Ты привез меня в свой замок, потому что у меня есть дар... Я понимаю язык растений.

– Замок разрушен... – пробормотал колдун, снова падая на спину. – Я видел развалины.

– Я знаю, – печально подтвердил подросток. Но тут же повеселел. – Но теперь у нас есть новый дом. Далеко отсюда. И когда ты придешь в себя, мы сможем вернуться туда.

– Я уже в себе. Я хочу уйти отсюда. Я голоден.

– Собираешься есть сырых кроликов? – весело спросил мальчишка.

Полудемон не ответил. Мысль о сыром мясе, еще недавно казавшемся таким аппетитным, вызвала отвращение.

– Я хочу вернуться к прежней жизни.

– Тогда у тебя два пути. – Очень серьезно сказал Мёдвик. Он поднял металлический прут, клеймо на конце которого все еще было раскалено. И Эмил невольно содрогнулся, вспоминая боль, которая вспыхивала в его теле, как только этот предмет погружали в огонь. – Ты можешь превратиться в чудовище, существующее от одного убийства до другого, питающееся крохами человеческой боли, и медленно терять разум... Или стать человеком. Жить нормальной жизнью, как все.

Эмила не удивила редкая осведомленность мальчишки, он задумался о другом.

– Мне нужно сохранить разум и вернуть магическую силу. Как можно больше.

Подросток помолчал, глядя в костер, потом произнес с явной неохотой:

– Это третий путь. Когда Хул пыталась убить тебя, Рубин Карашэхра оставил в тебе след. Его Огонь – мощный источник силы, и если бы ты открыл его в себе, смог бы черпать магию оттуда... Но я не знаю, как это сделать.

Эмил промолчал и снова вытянулся на земле.

Некоторое время он лежал на спине, прислушиваясь к сухому шелесту тростника и далекому волчьему вою. Потом поднял руку, поднес ее ближе к лицу. Она была уже вполне человеческой, но с длинными черными когтями и грубой серой кожей.

Колдун приподнялся, осматривая себя. Косматая шерсть на груди вылезла, но все еще густо покрывала живот, ноги и плечи. Звериные задние лапы стали больше похожи на нормальные ступни. Грудная клетка раздалась, позвоночник немного выпрямился, хотя Эмила все еще гнуло к земле. Уши остались прежними, остроконечными. Лоб был низким, а глаза глубоко запавшими в глазницы. Лицо, наощупь, все еще напоминало волчью морду, но он снова мог говорить. Взгляд полудемона зацепился за ожог на ладони, и он показал его мальчишке:

– Что это за знак?

– Мантра, – объяснил тот охотно. – Успокаивает, оберегает от низменных страстей. Через какое-то время рана исчезнет, а защитная сила останется.

– Ты все продумал, как я погляжу, – усмехнулся колдун. В душе снова шевельнулась, было, злость, но возвращение приступа яростного безумия показалось таким утомительным, что он постарался заглушить ее.

Кажется, Мёдвик, действительно, пытался помочь ему.

– Почему ты возишься со мной?

– Потому что ты возился со мной прежде, – тихо сказал подросток, бросая в огонь несколько сухих веточек. – Потому что ты нам нужен. Мы скучаем по тебе.

Эмил глубоко вдохнул душистый аромат, примешавшийся к горькому запаху дыма.

– Кто это мы? – пробормотал он. – Я ничего не помню.

– Совсем ничего? – голос Мёдвика чуть дрогнул.

– Не совсем.

Следующее воспоминание вызвало в душе бурный всплеск ярости. Женщина, изумительно красивое лицо которой сползает, словно маска, а под ним оказывается уродливая морда. В ее руке сияет жезл с красным корундом на конце. Она размахивается, и из камня хлещет пламя, вонзаясь Эмилу в грудь...

Колдун перевел дыхание:

– Чувствую ненависть... к Хул за то, что она сделала со мной. За то, что забрала оружие принадлежащее мне... За... – Он не договорил. Горечь, которая скрывалась глубоко в душе, плеснула наружу. «Она убила Буллфера моими руками! Никчемное создание Верховного демона принесло ему гибель. Я убил его...»

Смириться с этим было невозможно. Эмил попытался загнать жгучее чувство утраты, вины, отвращения и ненависти к самому себе как можно глубже внутрь. Но оно рвалось на поверхность.

– Рубин забрал всю твою магию. Лишил прежнего облика, – прошептал Мёдвик, глядя в сторону. – Он не убил тебя физически, ведь Ключ был создан из твоей крови, но... мне кажется, от его огня пострадала твоя человеческая сущность. Та, что умела сочувствовать и любить. Поэтому ты так быстро скатился до звериного состояния. Поэтому испытываешь лишь ненависть.

Мальчик тяжело вздохнул, а потом попытался улыбнуться и сказал не слишком уверенно:

– Я думаю, со временем это тоже пройдет, нужно только...

– Мне все равно, – резко перебил его Эмил. – Я хочу свернуть шею Хул. А что я буду при этом испытывать – злорадство или ярость, не важно. Но я не могу этого сделать! Я абсолютно беспомощен.

Мёдвик грустно покачал головой, похоже, у него были другие соображения. Но промолчал.

Полудемон сел и вдруг услышал вдалеке долгий тягучий рев, словно загудела сразу сотня рогов. В ночное небо с испуганным криком взметнулась стая ворон. Земля мягко вздрогнула. В лесу шумно упало несколько деревьев.

Эмил вскочил, громко втягивая носом холодный воздух. Пахло опасностью и пока еще едва различимым, едким запахом мокрой шерсти. Мальчишка, стоящий рядом, настороженно оглядывался.

– Гаси костер! – рыкнул колдун. И пока ученик заливал угли водой, хмуро пробормотал. – Я знаю, что это значит. Ее Могущество Хул объявляет себя Хозяйкой Срединных земель.

На землю быстро опускалась тьма, но волчьи глаза Эмила великолепно видели в сумраке. Он взглянул на оцепеневшего Мёдвика и приказал:

– Выпусти меня. Разбей круг.

– Я не могу... – тот растерянно посмотрел на цепочку камней, излучающих едва заметное сияние. – Еще рано, ты не до конца...

– Слушай меня! – гневно рыкнул полудемон. Убедился, что подросток внимательно смотрит на него, и продолжил спокойнее. – Хул официально объявила себя Госпожой, и теперь выпустит на поверхность слуг, чтобы накормить их и пополнить запас энергии. С этой поляны тянет магией на весь лес. Думаешь, куда они пойдут в первую очередь? Я уже чувствую, сюда приближается кто-то.

– Если я тебя выпущу, – воскликнул мальчишка с отчаянием, – трансформация не закончится, ты останешься калеккой!

– Делай, что тебе говорят!

– Я не... – он не договорил.

На поляну одним длинным прыжком выскочил огромный зверь. Эмил, ожидавший увидеть демона, на мгновение замер от удивления. Это была кошка – пума или пантера. Ее короткий серый мех переливался в свете костра. Зеленые зрачки светились. А длинный хвост хлестал по гладким бокам.

Она была еще совсем молодой. Колдун понял это по пышному воротнику, обрамляющему длинную шею, кремовому горлу и выражению удивленного любопытства на усатой морде.

– Какая неожиданная добыча. – Промурлыкала химера довольно внятно. – Мальчик... нет, уже почти юноша, и мужчина, почти волк.

– Я слышал, как открылся телепорт, – произнес Эмил, рассматривая ее также внимательно, как и она его. – Но ты не демон...

Кошка оскалилась, прижимая уши к голове.

– Больше здесь не будет темных. Теперь все принадлежит нам. Как долго мы жили, питаюсь крохами с их стола. Прятались и голодали. Теперь Хозяйка этого мира – одна из нас. Она открыла земли для своих сестер и братьев. А здесь так много дичи.

Кошка замурлыкала довольно. Мёдвик сделал маленький шаг ближе к цепочке разноцветных камней.

– Демоны не отдадут свои охотничьи уголья просто так, – ответил Эмил, стараясь как можно дольше занимать молодую любопытную химеру разговором. Будь на ее месте кто-нибудь постарше, он бы напал сразу, не теша свое самолюбие.

– Их никто не будет спрашивать! – фыркнула она, презрительно щурясь на беспомощного, заключенного в магический круг. – У Хул есть могущественное оружие, с которым все мы стали непобедимы.

– Темные создания не так слабы, как тебе кажется, – усмехнулся колдун, замечая краем глаза, как Мёдвик постепенно придвигается к нему.

– Ты слаб. Ты в ловушке. О какой силе ты говоришь?! Тебя смог поймать ребенок. – Кошке заметно надоело болтать, под ее великолепной шкурой напряглись мышцы. Выразительная морда загорелась охотничьим азартом.

– Не тебе судить, – пробормотал Эмил едва слышно.

В тот же самый миг химера бросилась на мальчишку. Колдуну показалось, что время остановилось. Он видел зверя, зависшего в воздухе в длинном прыжке, Мёдвика, разметавшего прутком цепь камней, белые искры, летящие с клейма. А потом вдруг все происходящее понеслось с огромной скоростью. Эмил рванулся вперед и, сцепившись с противницей, покатился по траве.

Ненависть полудемона наконец-то нашла выход. И он, не чувствуя боли, с дикой яростью, вымещал ее на молодой химере, полосуюя когтями прекрасную бархатную шкуру. Потом сжал волчьи челюсти, слушая хруст позвонков. Кошка дернулась последний раз, тело ее обмякло...

Эмил перевел дыхание и медленно поднялся, оттолкнув мертвого зверя. Бок болел, голова кружилась, но он, стараясь не обращать на это внимания, огляделся.

Мёдвик лежал на спине, штанина на его левой ноге намокала от крови.

– Все хорошо, – прошептал он, глядя на приближающегося полудемона. В его глазах не было страха, лишь напряженное ожидание. – Мне почти совсем не больно.

Эмил ничего не ответил, догадываясь, о чем думает бывший воспитанник. Не вернется ли «учитель» к прежнему безумному состоянию, и не вызовет ли вид беспомощного человеческого тела новую вспышку волчьего инстинкта. Колдун наклонился, с треском разорвал штанину и осмотрел царапины – те были глубокими, но не настолько, чтобы мальчик истек кровью прямо сейчас. Легко подняв ребенка, он взвалил его себе на спину. Буркнул:

– Держись крепче.

– Я мог бы и сам... – прошептал тот, но послушно уцепился за плечи.

Колдун в последний раз глянул на мертвую химеру и сначала пошел, а потом побежал в лес, прочь от озера.

– Хул делает большую глупость... – бормотал он по дороге. – Неужели она хочет запереть демонов в подземельях, а внешние земли отдать химерам?

– Она теперь Хозяйка, – ответил Мёдвик, прижимаясь щекой к его плечу. – Она делает, что желает. И у нее есть Рубин.

– Все равно глупо... Демоны не простят ей. – Эмил перелез через замшелый ствол ели, лежащий поперек дороги. – Мне кажется, или ты стал тяжелее?

Мальчишка промолчал.

Полудемон побежал быстрее. С каждой минутой дорога становилась все более знакомой. Густой ельник закончился. Появились высокие сосны. За пригорком негромко журчала вода.

Спустившись в овраг, Эмил перешел ручей. Насколько он знал, химерические кошки, преследуя врага, полагаются на чутье. Если они обнаружат труп своей сестры, убитой им, и бросятся в погоню, то потеряют след на берегу.

Волчье чутье подсказывало, как лучше запутать предполагаемых преследователей. Он долго брел по колено в воде, сожалея, что не может воспользоваться магией Рубина, часть которой, как утверждал Мёдвик, скрыта в нем. Мальчишка, висящий на спине, казался слишком горячим, и пахло от него нездоровым жаром и кровью – этот запах мог привлечь не одного хищника.

Один раз Эмил снова услышал гул открывающегося телепорта, и заторопился сильнее, скользя на мокрых камнях. Будь он человеком, он бы уже не один раз упал. Будь демоном – не выдержал и разорвал беспомощную жертву. Но он был тем и другим лишь наполовину, поэтому терпел, хотя его собственные раны болели, сердце колотилось все сильнее, а дыхание сбивалось с каждым шагом...

Когда впереди появились очертания крошечного домика с провалившейся крышей, он уже едва стоял на ногах. Это был та самая лачуга, о которой говорил Мёдвик. Эмил узнал ее по запаху гниющего дерева и дыма. Зброшенная сторожка стояла на крошечной полянке, вокруг которой буйно разрослись рябина и дикий шиповник. И это – вместо великолепного каменного замка. Отличная замена, ничего не скажешь. В другое время колдун посмеялся бы над удивительными превращениями судьбы, но сейчас ему было все равно.

Он удобнее перехватил Мёдвика, поднялся по покосившемуся крыльцу, дернул дверь, но она была заперта.

С той стороны прозвучали быстрые шаги, и встревоженный женский голос спросил:

– Кто там?

– Открывай быстрее, – отозвался полудемон.

В ответ раздалось громкое аханье, загремел засов, дверь распахнулась. На пороге стояла девушка в грубом сером платье. В одной руке она держала свечу. Робкий огонек осветил позднего гостя, и Эмил снова увидел себя со стороны, теперь ее глазами. Горбатое чудовище с оскаленной в тяжелом дыхании пастью. Крестьянка зажала ладонью рот, заглушая крик, и отступила на шаг.

– Это ты... неужели... – произнесла она невнятно, потом перевела взгляд на Мёдвика, и зрачки ее расширились. – Что ты...

– Я ему ничего не сделал, – насмешливо отозвался колдун и вошел в дом. – На нас напали.

– Сюда, – голос ее стал спокойным и решительным, хотя в зрачках еще плескался прежний страх. Она подняла свечу выше, показывала Эмилу, куда идти. – Его надо перевязать.

Колдун опустил мальчишку на грудь сена, покрытую старой попоной. Выпрямился, чувствуя, как разламывается от боли спина. Мельком оглядел жалкую комнатку. Несколько досок в полу провалилось, в окне нет рамы и дыра затянута куском холстины. Печка почернела от копоти.

Полудемон фыркнул презрительно, повернулся спиной к суевающейся девушке и вышел на улицу.

– Эмил! – воскликнула она. – Куда ты?! Постой.

Но он лишь равнодушно дернул плечом.

Пожухшая от холода трава никла к земле. Из нее поднимались тонкие стволы рябин. Деревенские жители часто сажали это дерево возле домов, считая его защитником от всякой нечисти. «От меня, то есть», – с усмешкой подумал колдун, протянул руку, сорвал горсть красных ягод и сунул в пасть. Челюсти тут же свело от горьковато-кислого вкуса, пустой желудок скрутило от голодной боли. Но он продолжал жевать, мстя своему безобразному телу, которому снова захотелось сочного сырого мяса.

Пробравшись сквозь кусты шиповника к сараю, пристроенному к торцу дома, Эмил открыл дверь, висящую на одной петле, заполз на сухое сено и со стоном растянулся на нем. Сквозь прорехи в крыше было видно постепенно светлеющее небо и ветку, на которой сидел толстый снегирь, похожий на спелое яблоко...

Вокруг вукодлака плыла чернота, испещренная серебряными полосами. Эмил вынырнул из прошлого в реальность, которая оказалась крепко стиснутой временным зеркалом.

Некоторое время колдун переживал раздвоение сознания, одна часть которого никак не хотела расставаться с двумя людьми, оставшимися в старой сторожке несколько тысячелетий назад, а другая отчаянно искала ответ на вопрос: «...Почему мне показали именно это?!»

«Быть может, через эти отрывочные воспоминания я смогу узнать нечто по-настоящему важное...», – подсказало что-то из глубин души. Эмил закрыл глаза, отогнал смятение, наполнившее душу после видения, и решил: «Я должен узнать, чем занят оборотень».

Это оказалось легко.

Еще одно мысленное усилие – и он смог различить, куда смотрят Гэл с ангелом. Оба оказались слишком привязаны к своему бывшему воспитаннику, аватаре Буллфера, и пытались найти его. Выяснить, что с ним стало.

Оба смотрели в настоящее...

«Примитивы! – презрительно оскалился вукодлак. – Они не понимают! Получив драгоценный шанс прикоснуться к знаниям, не надо тратить его на любование пустыми картинками событий сего дня. Надо узнавать, что заставило мир стать таким, какой он есть! Истинная помощь не в том, чтоб вытаскивать из бед некоего Атэра. А в том, чтобы отсечь ошибки прошлого, приведшие к его бедам. Очень давнего прошлого... – Эмил рассмеялся мысленно, и на его морде проступило высокомерное самодовольство. – Они даже не догадались, что сам Атэр является такой ошибкой! Последствием *моей* оплошности. И больше я ее не допущу...»

Полудемон кивнул сам себе, а потом прильнул к зеркалу, в которое так заинтересованно смотрели Гэл и Энджи.

Глава 7

Встреча с нелунгами

Высокие стены Рэйма скрылись за маревом горизонта день назад. Дышать сразу стало легче, хотя иногда все еще казалось, будто вой труб катится вниз с холмов и тугой воздушной волной толкает в спину.

Атэр ехал впереди один. Остальные цепочкой растянулись следом. Вокруг, куда ни кинь взгляд – пологие холмы, поросшие сухой травой. Она моталась по ветру, разбрасывая острые булавки семян. Те цеплялись за одежду, хвосты лошадей, падали в мертвый песок. Небо слепило синевой. Воздух, наполненный горькими запахами, сушил горло. От жары тело покрывалось липким потом. Солнце светило в спину, и тени, лежащие на неровности дороги, наливались пунцовой краской.

– Говорят, эти земли называются дюнами и тянутся до самого моря... – сказал Октавий.

– Мы так и будем торчать посреди дороги?! – Атэр сердито оглянулся на хмурого Гая. – Нас заметно со всех сторон, как плевков на лысине!

Критобул, что-то невнятно бормочущий, размеренно покачиваясь в седле, громко хмыкнул. Видно, выкрик эллана помешал важному разговору с погибшим братом, пепел которого преторианец продолжал носить в мешочке, висящем на шее. Все никак не мог найти достойного места для захоронения. Но ответил он вполне добродушно:

– Ты, давай, с лошади не свались. А по сторонам я смотрю.

– Друзья мои, а может быть мы, все-таки, остановимся? – воодушевленно предложил Октавий.

До этого несостоявшийся жрец мученически-отрешенно смотрел вдаль, не забывая время от времени громкими вздохами напоминать всем о недавней ране. Периодически он начинал ерзать в седле и охать, изображая невыносимое страдание. Но на эти гримасы и стоны уже никто не обращал внимания. Надоел.

– Я, конечно, понимаю, – продолжил нервный рэймлянин. – Наша цель – как можно быстрее удалиться от столицы. Возможно, по нашим следам уже...

Атэр громко кашлянул, перебив спутника. И, набрав побольше воздуха, продолжил, копируя его занудноватые напевные интонации:

– ...спешат враги, которые, несомненно, торопятся вернуть нас в ненавистный город, дабы отдать под суд, мстя за побег государственной преступницы Арэлл, уничтожившей прислужников Некроса и теперь пребывающей в состоянии вечного гонения...

Сзади, не дослушав высокопарного монолога и убивая весь трагизм высказывания, рассмеялась Гермия. Октавий метнул в насмешника ненавидящий взгляд и оскорбленно поджал тонкие губы, снова мученически стекленея взором.

– Здесь никто не ездит, – сухо заметил Гай. – Караванные пути лежат восточнее.

– Странно, что наш всезнаец Атэр об этом не слышал, – съехидничал Марк, поглядывая на Гермию.

Было заметно – рэймлянину приглянулась бывшая рабыня. За вчерашний день получше разглядев сероглазую красотку-элланку, для конспирации переодетую юношей, он приободрился. Старался принимать мужественные позы, остроумно шутить по поводу и без. Девушка, в свою очередь, не забывала улыбаться Марку, а сама с большим интересом поглядывала на Юлия.

Атэр начал подозревать, что ее слабость – светловолосые юноши. Нервические и тонко чувствующие. У него чесался язык съязвить по поводу жалких ухаживаний Марка. Но пару раз ненароком отметив чрезмерно пристальное внимание добродушно-улыбчивого Крито-

була, демоноборец усмирил желание острить. Связываться с психом-преторианцем, по мнению эллана окончательно свихнувшимся после гибели брата, не хотелось.

– Неприветливое место, – Гермия поправила башлык, прикрывающий нижнюю половину лица.

– Пятьдесят лет назад здесь было сражение между рэймским легионом и ордой нумидийцев. – Гай привстал в седле, глядя на запад. – За теми холмами до сих пор лежат курганы из обломков колесниц и человеческих костей.

– У рэймлян все, что не легион – то орда, – хмыкнул Атэр, оглядываясь на Арэлл.

Элланка ехала молча. Не отрываясь, смотрела на холмы, но, казалось, видела нечто иное. Вокруг ее синих глаз появились морщинки от яркого солнца, в кожу тонких рук, крепко сжимающих поводья, въелась грязь. Лицо уродовали синяки и ссадины, белая кожа покраснела от загара. Длинная пыльная накидка скрывала стройные ноги, но Атэр и так знал – они тоже изранены. Смотреть на нее было тяжело. Нищая оборванка, а не дочь эллидского басилая и невеста сына императора Рэйма. Но, похоже, саму девушку не волновало, как она выглядит.

– Эй, Критобул, – негромко позвал Атэр, оглядываясь через плечо. – Не хочешь похоронить Аристида где-нибудь тут? Места просторные, раздолье.

Атлет добродушно глянул на эллана, похлопал по мешочку с прахом брата и заявил:

– Нет. Говорит, плохо. Песок да камни. А он любит, чтоб вода рядом журчала.

– Корабль до Эллиды идет шесть дней, – сказал Юлий, несмотря на жару зябко кутающийся в гиматий. – Если мы благополучно доберемся до Балтиса, то через неделю можем попасть в Септонис.

Арэлл рассеянно кивнула, и Атэр присмотрелся к ней внимательнее. Элланку что-то мучило. Воспоминания?.. А, может, наоборот, пыталась вспомнить и не могла...

«Меня тоже терзают видения прошлого», – подумал Атэр, искренне сочувствуя девушке.

Ему, по-прежнему, снились кошмары. Потоки лавы, огненные озера... Прошлой ночью эллан опять проснулся с бешено колотящимся сердцем и ноющей челюстью из-за стиснутых во сне зубов. Опять видел жидкое красное пламя, ползущее по телу, и задышался в нем. В детстве эти видения пугали. Теперь было ясно, откуда они – оборотень-Гэл постарался, рассказал воспитаннику о прошлой жизни, с радостью заявив, что тот был Высшим демоном.

Эллан не знал, как относиться к себе «темному». Раньше намеки приятелей на излишнюю злобность казались ему смешными, теперь приходилось задумываться над каждым ерундовым поступком: «Сделал я так потому, что ленив и равнодушен сам по себе, или это настоящие проявления демонского начала?» Спросить было не у кого. Не с Арэлл же об этом беседовать. Хотя к ней хотелось держаться поближе. И вовсе не из-за любовных порывов, как чудилось ревнивому преторианцу.

Атэр усмехнулся. Гай, словно прочитав его мысли, сверкнул глазами из-под шлема и приблизился, заставив коня ехать бок о бок с лошадей эллана:

– Ты уверен, что твое убежище в Эллиде достаточно надежное?

Преторианец смотрел строго и требовательно. В седле держался твердо. Военная трабея сидела на нем, как влитая. Властный голос, уверенные движения. Иногда Атэру хотелось ответить ему подзатыльник, чтобы прекратил командовать.

– Конечно, я уверен! Сколько раз можно повторять. Мы доберемся до старого храма Трисмеса. Под ним есть катакомбы, где можно укрыться. Я сам жил там довольно долго. И не я один.

– Ладно. Тогда сейчас главное – добраться до Эллиды.

Критобул, выехавший вперед, вдруг привстал в стременах, прищурился и сказал негромко:

– Вижу всадников. Шестеро. Двое нелунгов.

Все тут же, не сговариваясь, натянули поводья и принялись всматриваться в сторону предполагаемой опасности. Шесть конных стремительно приближались. Гай сжал рукоять спаты. Гермия судорожно вздохнула.

– Может, не заметят? – пробормотал Марк.

– Как же, не заметят, – ответил Атэр, чувствуя себя посреди холмистой пустоши, как на блюде, готовом к завтраку. – Едут сюда.

– Друзья мои... – пролепетал Октавий. – Понимаю, сейчас не время, но кто такие нелунги? Я что-то не вижу их, в глазах потемнело...

– Очень сильные полудемонические существа, – быстро ответил Юлий. – Выносливые, переносящие любую жару. Некрос использует их для патрулирования отдаленных земель. Говорят, у каждого нелунга общая душа с его конем. А еще...

Он вдруг замолчал и тревожно покосился на Атэра, будто опасаясь, что сказал лишнее, и эллан обвинит его в этом. Но тот смотрел в сторону всадников:

– Я говорил, давайте свернем. Так нет! «Здесь никто не ездит», – передразнил он Гая. – Нахлебаемся теперь!

– А может... – взгляд Октавия забегал по сторонам в поисках спасения. – Может нам бежать, пока они еще не слишком близко...

– Все успокоились! – Рывкнул Гай. – Бежать нельзя. Вызовут подмогу, догонят и убьют точно. Критобул, убери меч! Арэлл, Гермия, не забывайте, сейчас вы не девушки, а юноши. Атэр, закрой рот, вякнешь лишнее, и я сам тебя заколю. Октавий, помнишь, что говорить?

– Да, помню. Конечно, помню. Но нам вообще не надо было брать с собой рабыню. Я так и знал, из-за нее мы попадем в беду, – заныл Октавий, с ужасом глядя на приближающихся патрульных и почему-то обвиняя во всем Гермию.

Девушка презрительно глянула на него, высокомерно вздернула подбородок, и произнесла своим мелодичным, нежным голосом:

– Зря я надеялась, что твоя трусость имеет границы.

Несостоявшийся жрец побагровел. Марк одобрительно хохотнул, но тут же помрачнел.

– Всем молчать! – в последний раз предупредил Гай. – Говорить буду я.

Патрульный отряд приближался очень быстро. Впереди скакали двое нелунгов. Если издали их «коней» можно было принять за обычных, то чем ближе, тем заметнее делался красный оттенок их шкур. Отчетливо стали видны свирепые клыкастые морды и узкие глаза с продолжными щелями зрачков. Мощные ноги заканчивались не копытами, а когтистыми лапами, под кожей бугрились мышцы. Подойди к такой лошадке – и она легко откусит тебе голову.

Судорожно сглотнув, Атэр перевел взгляд на седоков. Эти тоже были хороши. Кожа медного цвета, две щели вместо носа, узкие кофейные губы, красные радужки. Волосы, похожие на длинные жгуты черной соломы. Одежды на нелунгах не наблюдалось. Их мускулистые тела от пояса и ниже покрывали длинные красные лоскуты, похожие на ободранную и хорошо выдубленную кожу. Она же висела вдоль ребер «коней», скрывая ноги наездников до ступней с длинными загнутыми когтями на коротких пальцах.

Люди выглядели попроще. Распаренные, красные от жары солдаты из рэймской гвардии, одетые в кожаные лорики и вооруженные балтусами. Похоже, они слегка опасались своих демонических сослуживцев и сторонились их.

Отряд окружил беглецов, нелунги остановились поодаль.

– Кто такие? – Устало спросил гвардеец со значком декуриона¹, вытирая пот рукой. – Откуда?

¹ Декурион – командир десятки воинов.

– Едем из Рэйма, – ответил Гай спокойно и неторопливо. – Везем господина, – почтительно-сдержанный полупоклон в сторону Октавия, – в Балтис. Там ему приготовлено место младшего жреца в храме Его Могущества Некроса.

«Жрец» немедленно приосанился и снисходительно кивнул:

– Да, любезные, так и есть.

– Почему едете не по общей дороге? – настороженность исчезла из глаз солдата. Похоже, ему до смерти надоело мотаться по жаре в сопровождении злобных темных тварей и хотелось как можно быстрее избавиться от необходимости допрашивать мирных путешественников.

– На то была моя воля, – охотно пояснил Октавий. – Центральная дорога слишком шумна и многолюдна. Мне нужно отрешиться от всего земного и погрузиться в размышления о своем служении Великому.

Декурион равнодушно наклонил голову. Было видно – он не собирается вдаваться в подробности тонких чувств будущего служителя.

– Когда вам следует прибыть на место?

Гай не успел ответить. Один из нелунгов приблизился. Его конь громко принюхивался и скалился, показывая длинные белые клыки. Лошади обоих отрядов заволновались, лихорадочно переступая по песку. Хищные сородичи пугали их.

Атэр украдкой огляделся. Критобул положил руку на пояс рядом с рукоятью меча. Марк с беспокойством поглядывал на Гермию: та нервно кусала губы – казалось, еще немного, и она разрыдается или закричит. Еще бы, во время последней встречи с демонами девушке пришлось пережить не самые приятные минуты в жизни. Взор Юлия стал стеклянным, над чем эллан тут же мысленно ухмыльнулся: «...то ли думает, как спастись, то ли, следуя примеру Октавия, уже отрешился от всего земного». Арэлл разглядывала нелунгов невозмутимо, словно те были всего лишь занятыми зверушками.

– Где Разрешение? – Голос нелунга звучал придушенно, как будто его горло с трудом выдавливало человеческие звуки.

– К-какое разрешение? – Октавий беспомощно оглянулся на Гая.

– Печать Владыки... – просипел второй, приближаясь, и Атэр с отвращением разглядел, что это женщина.

– Я... я надеялся получить его сразу, на месте, – выкрутился жрец.

Гвардейцы переглянулись, и на их лицах постепенно стало появляться выражение унылой покорности судьбе. Декурион положил ладонь на рукоять меча, засопел сердито, покосился на нелунга.

– Госпожа Нга-схи, вы уверены, что эти люди ...

Та оскалилась не хуже собственной кобылы и прорычала:

– Молчи, смертный! У меня приказ Господина.

Солдат поспешил заткнуться, его лицо стало угрюмым и злым. Демоница внимательно оглядела путешественников и продолжила.

– Два преторианца. Мертвец, – взгляд в сторону Юлия. – Эллан. И две женщины. Странная охрана для служителя храма.

Подбородок Октавия задрожал.

– Я волен сам выбирать слуг! – визгливо воскликнул он. – Вы не можете нас задерживать!

– Не тебе, смертный, говорить, что я могу, а чего нет, – заявила она, высокомерно скривившись, и облизала красным языком черные губы. – Вы никуда не поедете до тех пор, пока я не поговорю с Господином.

Именно этого Атэр и опасался. Он оглянулся на замерших в тревоге спутников и сделал единственное, что пришло в голову. Изо всей силы стукнул лошадь пятками в бока, посылая ее вперед. Оказавшись рядом с Нга-схи, выпустил поводья. Одной рукой выхватил меч, в другую стянул часть накопленной силы и полоснул демонскую кобылу балтусом по крупу, а

потом швырнул комок огня в ее приятеля. Меч скользнул по красной шкуре, не оставив даже царапины, зато магическое пламя угодило прямо в лицо мужчине-нелунгу. Тот закричал, его скакун взвился на дыбы с гневным рыком, но подробностей Атэр уже не видел. Он гнал свою испуганную лошадку, несущуюся во весь опор.

«Главное, – думал эллан, – увести темных подальше. Критобул с Гаем справятся с гвардейцами, но нелунги разорвут их на куски». Оглядываясь через плечо, Атэр видел несущихся следом всадников. Женщина впереди, мужчина – чуть отставая. Хорошо, что они не обладали магией и могли пользоваться только обычным человеческим оружием.

Демоница на ходу опустила руку в складки кожи, свисающие с боков, доставая тэм – короткую железную палицу с лезвием в виде широкого листа. Самое страшное оружие нитских воинов. Ее кобыла прижимала уши и свирепо рычала.

– Собираешься зарубить меня и скормить своей твари?! – яростно крикнул Атэр, натягивая поводья. – Ладно! Сейчас я приготовлю тебе закуску!

Он развернулся и одним «глотком» вытянул жизнь из всего, до чего смог дотянуться. Трава на двадцать статей вокруг почернела, рассыпаясь сухими хлопьями. Тварь Нга-схи, ступившая на мертвую землю, взвилась на дыбы, взвыла, и эллан тут же напал на нее, целясь в глаза – самое слабое место нелунгов.

Вложив в магический удар всю свою ненависть, он пробил энергетическую оболочку. Хлебнул горячей силы, но осушить до дна не смог. Клыкастая кобыла, воющая от боли, оказалась рядом. Щелкнула челюстями, метя в колено человеку, но промахнулась и впилась хищной пастью в шею его лошади. Вырвав кусок мяса, боднула бедное животное, заваливая на бок. Эллан едва успел спрыгнуть на землю и увернуться от лезвия тэма. Откатившись в сторону, он метнул в демоницу свой меч. Нга-схи вскрикнула совсем по-человечески, хватаясь за рукоять балтуса, разворотившего левую глазницу. Черная кровь хлынула на руки темной, а вместе с ней потекла густая жизненная сила.

Атэр почувствовал, как перехватило дыхание и заколотилось сердце. Выпить все было невозможно. Он понял, что сейчас захлебнется, однако не отрывался от издыхающей твари. Ждал до тех пор, пока ее сородич не приблизился...

Вырываясь из Нга-схи, мощный поток убийственной энергии хлынул на жеребца нелунга. Эллану казалось, словно сквозь его вены течет кипящее масло, но он терпел, сжав зубы. Хищный «конь» захрипел, мотая головой. Рухнул на колени. Всадник свалился с его спины, упал на землю и остался лежать неподвижно.

Атэр перевел дыхание. Поднял руку вытереть лицо, и увидел что вся она в черной липкой жиже. На секунду ему показалось, будто это его кровь, но он с ужасом отбросил эту мысль. Он – не демон, и кровь у него красная.

Эллан огляделся. Его лошадь с разорванной шеей была мертва. Рядом растянулась безжизненная Нга-схи. Подняв с земли тэм, он подошел к демонической кобыле. Та, лежала на боку без единой раны на теле, чуть шевелила когтистыми лапами и постанывала. Дернулась, увидев подошедшего человека, зашипела, оскалила зубы, и сдохла.

– Значит, у них, и правда, одна душа на двоих, – пробормотал Атэр и направился ко второму поверженному врагу.

Здесь все было наоборот. Жеребец валялся без движения, а его хозяин еще шевелился. Лицо и тело нелунга оказались покрыты спекшейся коркой сплошных ожогов. Вместо глаз были две выжженные дыры. Дыхание вырывалось с хрипом. Держа тэм наготове, Атэр шагнул ближе. Нелунг услышал, дернулся, зашарил черной от крови рукой по земле, но эллан ногой оттолкнул его оружие подальше.

– Я слышу... шум крыльев, – просипел умирающий. – Мой кер приближается.

– Предсмертная речь? – со злостью спросил эллан. – Сейчас заплачу от умиления. Я *убил* тебя! Я тебя убил, мразь! Расскажи своему керу, что тебя и твою подружку уничтожил смертный!

Он размахнулся, с наслаждением вонзил тэм в грудь нелунга, налег всем весом, вгоняя оружие глубже. Демон захрипел, схватился за древко и прошептал:

– Ты... умрешь тоже... скоро.

Когтистая лапа разжалась и упала на грудь.

Атэр выпрямился, шатаясь отошел. Сел на почерневшую, мертвую траву и понял, что уже не поднимется.

Он так и сидел, тупо глядя прямо перед собой, когда слышался топот конских копыт и зычный голос Гая:

– Атэр!! ...Атэр, ты жив?!.. Ранен! ...Ты смог уничтожить их? Обоих?!

Преторианец спрыгнул с коня и принялся тормошить эллана, повторяя эти раздражающие победителя вопросы.

– Гратх, я очень устал. Дай мне посидеть.

– На, выпей. Станет легче.

К губам эллана прижалось горлышко бутылки, и ему пришлось через силу сделать глоток. Горькое пойло обожгло горло, вспыхнуло в желудке огнем, из глаз хлынули слезы. Проморгавшись и откашлявшись, Атэр оттолкнул руку Гая.

– Хватит... спасибо.

Преторианец снова оглянулся на мертвых нелунгов.

– Ты убил их сам?

– Нет. Они передрались, решая, кому достанусь я, а кому – моя лошадь. А потом госпожа Нга-схи воткнула себе в глаз мой меч. Наверное, от огорчения, что я выпал на долю ее дружку. А тот случайно поджарил сам себя. Вот, досада, правда?

– Дурацкая шутка, – усмехнулся Гай.

– Дурацкий вопрос. – Парировал Атэр. – Их тела надо сжечь, чтобы не осталось следов.

– Не только их, – мрачно сказал преторианец.

– Кто? – спросил эллан коротко.

Гратх отрицательно покачал головой:

– Сам увидишь.

– Арэлл... жива?

– Да.

Это было самое главное. С трудом выдернув меч из черепа нелунга, Атэр с сожалением посмотрел на тэмы, однако подбирать их не стал. Ни к чему рисковать, привлекая к себе внимание. Листовидные нитские клинки всегда были редкостью.

Забравшись за спину Гая на его гнедого жеребца, эллан швырнул на трупы несколько огненных шаров, и тела тут же вспыхнули ровным синим пламенем...

Доехав до места, где на беглецов наткнулся патруль, Атэр спрыгнул на землю первым, лихорадочно осматривая группу друзей.

Из Рэйма выехало восемь.

Арэлл вытирала меч пучком травы.

Октавий перевязывал плечо Юлию, который морщился от боли.

Гермия стояла, держа в поводу двух жеребцов, принадлежавших гвардейцам, и негромко всхлипывала.

Крибул потихоньку говорил что-то мешку на груди.

Гай хмурился, спустившись с коня.

А на земле, неподалеку от четверых убитых патрульных, лежал Марк, и песок вокруг него был бурым.

Атэр медленно подошел к рэймлянину. Лезвие меча вошло в грудь между пластинами лорики, точно в сердце. Он, наверное, умер сразу. Хотя, говорят, иногда люди еще несколько минут живут с такими страшными ранами, успевая совершить невероятные подвиги. Убивают богов или душат гидр голыми руками. Но вряд ли Марк был способен на такое. Вот лурия Поппия, его тетка, расстроится. Она очень любила племянника.

– Как это произошло? – спросил эллан, и сам не узнал своего голоса.

Гермия завсхлипывала громче, все остальные молчали, и, наконец, Гай медленно заговорил:

– Он был ближе всех, когда...

Но Атэр не стал его слушать. Бешеная злость и отчаяние наполнили голову звенящим туманом.

– Придурки! Какие же вы придурки!! Я увел от вас демонов! Я! Увел! Демонов! Осталось четверо солдат! Четверо людей на вас шестерых!

– Среди них оказалось двое мастеров меча. Мы еле справились с ними, – устало ответил Гай, опускаясь на песок.

Только теперь Атэр заметил, что его лорика тоже пропитана кровью. Значит, и его зацепил один из «мастеров». Но сейчас эллану было плевать на это.

– К тому же с нами две женщины. Я должен был защищать их... – закончил Гратх.

– Арэлл отлично умеет защищаться сама!.. Их было всего четверо. Смертных, не обладающих магией. Слабых, вооруженных только мечами!

– Слабых! Ну-ну! – негромко хмыкнул в стороне Критобул и, понятное дело, принялся жаловаться пеплу покойного. – Слышал, Аристид? Слабых! Видал бы он таких слабых...

Но Атэр не обратил внимания на очередной абсурд. От бессилия у него свело челюсть и выступили злые слезы. Он стоял над Марком, сжимал кулаки и боролся с желанием размахнуться и пнуть мертвое тело.

– Как ты мог умереть?! Зачем полез на меч?!!

– Он защищал меня, – невнятно прорыдала в гриву лошади Гермия. – Он х-хотел меня защитить. Это я в-виновата! Это из-за меня-а!

Ее причитания перекрыл чистый, звучный голос Арэлл:

– Прекратите!

Элланка вогнала меч в ножны, подошла к взбешенному Атэру. Крепко взяла его за плечо.

– Ты ничего не изменишь. Криком и обвинениями его не воскресить. Он не виноват, и не виноват никто из нас. Мы не стремимся к смерти. Все хотят жить и ценят жизнь не меньше тебя.

От ее прикосновения Атэру всегда становилось душно. Хотелось вырваться.

– Успокойся, пожалуйста.

Эллан сделал огромное усилие. Глубоко вдохнул, громко выдохнул:

– Я... спокоен.

Несколько мгновений Арэлл смотрела пристально, потом убрала руку:

– Нам нужно похоронить его.

Глядя в ее синие глаза, Атэр невесело усмехнулся.

– Скоро я стану почетным могильщиком.

Прежде чем сжечь тела гвардейцев, он осмотрел их мечи. Забрал два самых лучших и выгреб содержимое кошельков, не обращая внимания на брезгливые гримасы Октавия.

– Вы можете мне возразить, – затянул привычную тяготию рэймлянин, – но я считаю, нет, твердо уверен, что обирать мертвых, пусть даже врагов, недостойно.

– Можешь отвернуться и не смотреть, – огрызнулся эллан. – Нам будут нужны деньги и хорошее оружие. Гермия, возьми этот.

– Я... я не могу, – залепетала девушка, отступая и с ужасом глядя на тускло поблескивающее лезвие. – Он же... – она опасливо кивнула на труп. – Говорят, нельзя забирать оружие убитого, иначе он вернется и...

– Чушь! – воскликнула Арэлл. – У меня балтус Аристида. Но он не являлся ко мне ни разу!

– Это потому что его прах со мной. – Критобул, широко ухмыляясь, подмигнул бывшей невесте наследника. – И я уговорил его не трогать тебя...

Юлий рассмеялся, но тут же поморщился, схватившись за плечо. Гай улыбнулся. Октавий демонстративно возвел очи к небу, а Арэлл покраснела. И надо признаться, румянец почти вернул ее прежнюю красоту.

– Ладно, бери, не бойся. Пригодится. – Атэр лично затянул на тонкой талии Гермии пояс с ножами. – Это просто меч.

– Но я не умею... – сказала она с тревогой.

– Будет очень надо – сможешь. Не сомневаюсь в этом...

Прах Марка высыпали в безымянный приток Лигиса.

До глубокой речушки с быстрым течением беглецы добрались вечером. Кони потянулись к воде. Люди подождали, пока они напьются, и встали на берегу.

– Ты хотела что-то произнести, Гермия. – Гай держал сверток с пеплом.

Та отрицательно покачала головой:

– Я не могу...

– Октавий, может, ты?

Жрец растерянно посмотрел на преторианца.

– Я бы с радостью проводил нашего дорогого друга, но я знаю только демонические ритуалы, а они для такого случая не подходят.

– Идиоты, – пробормотал Атэр, на этот раз имея в виду не только товарищей, но и себя. – Человек погиб, а мы даже сказать ничего путного о нем не можем.

– А что тут говорить!? – буркнул Критобул. – Умер и все. Ясно, ему там лучше, чем нам тут! Вот и Аристид считает...

– Я скажу, – неожиданно вмешался Юлий. Помолчал, глядя на темную воду, и заговорил медленно:

– Он любил Рэйм... У него не было ничего кроме этого прекрасного, проклятого города. – Юлий повысил голос. – И умер Марк за Рэйм. Потому что хотел, чтобы родина освободилась от тьмы... Эта вода течет из Лигиса. Реки, струящейся по его городу.

Всхлипывания Гермии зазвучали громче, она закрыла рот обеими руками и ткнулась головой в плечо Арэлл. Лицо элланки стало растерянным, потом губы задрожали, искривились жалостливо, и она обняла плачущую девушку.

Гай развязал плащ, и пепел посыпался в воду.

– Его могилой будет Лигис. А памятником – Рэйм. – Юлий опустил голову.

– Марк говорил, – Гермия подняла мокрое лицо от плеча Арэлл, – что когда все закончится, возьмет меня с собой. Домой.

– Лурия Поппия, его тетка, погнала бы тебя навозной метлой, – сказал Атэр, отворачиваясь и незаметно вытирая рукавом мокрые веки. – Она-то наверняка уже присмотрела своему любимому племянничку богатую рэймскую невесту.

– Атэр! – воскликнул побледневший от возмущения Гай. – Помолчи, а!

Но бывшая рабыня не оскорбилась, улыбнулась почему-то и прошептала:

– Да, наверное.

Критобул тоже хотел сказать в адрес эллана что-то резкое, но тот опередил его:

– А ты? Не хочешь похоронить здесь своего братца? Юлий умеет произносить отличные надгробные речи! И стал Рэйм его могилой на веки веков... Ну? Что Атэр? Что Атэр?! А идите вы все!

Он с размаху пнул комок глины и побрел, сам не зная куда, снова задыхаясь от злости и безысходности. Наверное, его хотели остановить, потому что сзади слышался глубокий, невыносимо чувственный голос Арэлл:

– Оставьте его. Не надо, Гай, пусть идет. Ему надо побыть одному.

Дрожащий огненный закат растекался над рекой. Низкое облако, похожее на корабль – огромный, многопалубный Гиеронт – отражалось в воде. И сквозь его призрачные паруса били красные лучи заходящего солнца.

Глава 8

Тонкости демонической политики

Надсадно гудели трубы всех шести храмов. Казалось, тугая воздушная волна катится вниз с холма, на котором стоит город, стремясь утопить любого, кого накроет.

По центральной улице тянулась цепочка огней длинной похоронной процессии. Над головами лошадей покачивались султаны из черных траурных перьев.

Первым вышагивал сам Транквил. Для того, чтобы император выглядел как можно естественнее, пришлось в самые краткие сроки найти мима, сходство лица и телосложения которого с почившим правителем Рэйма было бы неоспоримо. И теперь артист важно выступал в одеждах покойного, копируя его походку и жесты, и, как обычно, посверкивая золотыми листьями на венке.

Следом за мнимым императором величественно двигалась процессия «предков». Еще одна группа мимов, представляющих умерших знатных родственников.

Затем несли грамоты с перечислением всех побед и подвигов повелителя, почетные венки, изображения городов, завоеванных им. За ними выступали актеры, с завываниями декламирующие выборочные места из трагедии, написанной за день до похорон. Потом – флейтисты и трубачи. Завершали весь этот хоровод плакальщики, певшие хвалебную песнь и старающиеся перекричать визгливые голоса флейт.

Правитель Великого Рэйма отправился в свое последнее путешествие. Он лежал в открытой квадриге, усыпанный розами. А душа его тихо стояла на берегу темного подземного Лигиса. Ждала, когда перевозчик позволит подняться на борт лодки вместе с такими же безмолвными тенями. Смертные верили, что после жизни их ждет покой. Некрос не разубеждал людей. Должна же у них быть хоть какая-то надежда.

Демонический повелитель Рэймской империи находился на балконе своего земного храма. Ему было о чем поразмыслить. Еще один император умер. Надо назначать следующего. И кандидатура уже есть – Клавдий, сын скончавшегося. В меру трусливый, преданный, властолюбивый. Но все это не то. Не то... Слабые, серые, пустые души. Жалкие.

Истинный человеческий правитель должен быть проводником воли верховного демона. В прямом смысле. Он должен стать открытым каналом для сбора энергии с подданных – карающим мечом в руках темного господина, и его верной тенью.

И такой был. Некрос нашел его среди сотен чахлах душонок. Теперь настала пора предложить ему помощь, силу, трон Претикапия и всей империи. Все, чего может желать человек.

«Не согласится», – настойчиво утверждал здравый смысл.

У молодого глупца оказались свои малопонятные и дурацкие идеалы. Он, видите ли, ненавидел демонов. Какой бред! А кто их любит?!! Но для верного служения Высшему необходимо искреннее желание. Свобода воли. Собственный выбор. И невозможно ни приказать, ни заставить.

Как обидно. Некрос в раздражении прикусил ноготь на большом пальце, мрачно глядя на траурную толпу.

У каждого есть слабое место. Император Веспосиан хотел власти над северо-западными землями, долгой жизни и легкой смерти. В его правление в состав империи вошли Анкона и Ириней. Он прожил семьдесят пять лет, совсем неплохо для человека, и умер мгновенно, упав с любимого коня и ударившись затылком о мраморный пол. Императрица Агриппина желала молодости и до кончины выглядела юной девушкой. Император Траян мечтал, чтобы его почитали как бога, и Рэйм застроили храмами в его честь... Что нужно этому?

Некрос закрыл глаза, с шумом втянул воздух, потянулся мысленно к далекому, помаргивающему огоньку. Представил. Увидел. Стремительно развернулся и бросил часть своего сознания в марево телепорта.

...Неглубокая, узкая речушка с приятным журчанием текла между густых кудрявых ив. Длинные зеленые ветви, изгибаясь, плыли по течению. Солнце уже село, и в прохладном густеющем сумраке чувствовался приятный аромат тростника.

Картина задержалась перед мысленным взором демона на мгновение, а потом поплыла. Как всегда при таком общении, мир затянула серая мгла. Лишь знакомая фигура виделась четко.

– Здравствуй, Юлий.

Юноша резко поднялся, почти вскочил. По лицу текла вода – до появления неожиданного визитера он умывался.

– Что ты здесь делаешь?! Я же просил никогда больше не приходить! Ты поклялся не следить за мной.

– Спокойнее. Я не собираюсь долго утомлять тебя своим обществом и не могу за тобой «следить». Я не вижу ничего вокруг, пока ты не позволишь этого.

Юлий немного успокоился. Оглянулся на что-то за своей спиной. Снова посмотрел на демона, вытер ладонью мокрое лицо. Некрос с удовлетворением отметил, что красные рубцы на его запястьях так и не зажили.

– Ты лжешь, – устало заметил юноша. – Как всегда. Чего тебе еще надо от меня?

– Император умер. Тело его сожгут сегодня. Завтра в столице должен быть новый.

– Ты пришел только затем, чтобы сказать мне это?

Человек дерзил, но, удивительное дело, его резкий тон никогда не раздражал Высшего.

– Я пришел предложить тебе трон Рэймской империи.

Несколько мгновений Юлий стоял с открытым ртом. Потом его бледные скулы порозовели:

– Не смешная шутка.

– Я не шучу. Транквил умер мучительно и жалко, потому что был глуп, беспомощен и труслив. В нем остался один страх. Я постоянно чувствовал кислый запах его ужаса. Человеческая сущность со всеми чувствами, желаниями, мыслями и страданиями похожа на вино. Также пьянит. Аура прежнего императора давно выродилась в уксус... И его сын – такое же ничтожество.

Некросу было приятно. Юлий слушал его внимательно.

Юноша нахмурился, чуть наклонил голову и не отводил взгляд. Редко кто решался смотреть в глаза Повелителю, даже верховный жрец Не'лктаур предпочитал стоять перед ним, подобоострастно склонившись.

– Юлий, в тебе есть сила, уверенность. И, самое главное, ты – проводник. Истинный правитель не тот, кто, сидя на троне, приносит массовые жертвы своему хозяину. Конечно, я получаю энергию от смертей, но это капли по сравнению с тем, что может мне дать *настоящий* император. Ты будешь чувствовать людей, окружающих тебя, их желания, страхи, боль. Мощь жертвенников во всех шести храмах сосредоточится в тебе одном.

– То есть, через меня ты сможешь получать жизненную силу... – медленно произнес Юлий, машинально потирая шрамы на запястье.

– Да. Совершенно безболезненно для твоих подданных. Без смертей и мучений. Я буду получать их энергию и посылать свою обратно, чтобы ты мог покарать любого, кто мешает тебе. Это станет возможно, если ты согласишься стать моим проводником. Пожелаешь искренне. Пока ты – всего лишь способный, тонко чувствующий юноша. Но как только пройдешь обряд посвящения, твое могущество возрастет в сотни раз.

Некрос понял – несмотря на внешнее равнодушие Юлий потрясен невероятным предложением. Демон очень надеялся, что человеческое тщеславие должно закопшиться у него в груди. Из не слишком состоятельной рэймской семьи попасть в Претикапий! Стать не рабом, не слугой, а едва ли не другом Высшего – безраздельным владельцем империи!

Но именно последнее оказалось Юлию не по вкусу.

– Я не хочу поддерживать темных, – сказал он, еще сильнее хмурия брови. – Я не хочу поддерживать тебя.

– Но тебе нравится, когда я тебя поддерживаю.

– Не нравится. В катакомбах мне была нужна помощь не для себя.

– Я понимаю, – произнес Некрос вкрадчиво, уже зная, на какой слабости собеседника можно сыграть. – В жизни бывают ситуации, требующие магической поддержки. Послушай, я предельно откровенен с тобой. Не спрашиваю ни о твоих друзьях, ни о ваших планах. Меня не интересует, где они находятся. Мне нужен ты. Не ничтожный Клавдий, который станет убивать направо и налево, чтобы угодить. Тебе ведь не нравится то, что происходит в Рэйме. Так ты можешь все изменить! Сократи количество жертв. Мне будет достаточно силы, идущей через тебя. Без убийств. Снизь налоги. Верни земли, отнятые у арендаторов. Расширь оросительную систему. Хочешь, раздай половину казны Претикапия. Мне все равно, что ты будешь делать со своей землей и со своими людьми. Уверяю, и при демоническом режиме можно неплохо жить.

Ноздри Юлия гневно раздулись, на бледном лбу выступила вена.

– Значит, все дело в императоре? Это он был плохим? А ты – гуманный и благородный Правитель?

– Я не настолько лицемерен, чтобы утверждать это. А ты не настолько наивен, чтобы верить. – Некрос рассмеялся, но тут же оборвал легкомысленный смех. – Мне не нравится, когда по моему государству мечется кучка ненормальных, называющих себя демоноборцами... Не дергайся. Неужели ты думал, я не знаю о вашем смехотворном заговоре против устоявшегося порядка? Юлий, ты умный человек и понимаешь, что вы не сможете уничтожить нас. Никогда. – Высший помедлил, наслаждаясь изумлением юноши. Удивлен, но не испуган. Это хорошо. – Я предлагаю тебе реальный выход без жертв и крови. Согласись стать императором и переделай этот мир.

Рэймлянин медленно покачал головой.

– Я ничего не смогу изменить. Система управления – монолит, глыба. Она все равно подомнет меня под себя и раздавит. Проводники были и раньше, тот же император Север. Но мир не стал лучше.

– Может быть, у них были иные цели? Жажда власти, денег, поклонения. А ты другой. Знаю, ты не можешь простить мне боль, которую пережил в храме? Но именно она сделала тебя проводником. Содрала с твоей души огрубевшие пласты человеческой суетности и мелочности. Очистила ее. Подумай. У тебя есть немного времени. И передай привет Арэлл.

Улыбаясь, Некрос кивнул на прощание и оставил юношу в смятении.

Он был доволен – теперь Юлий будет мучиться и сомневаться. Как же, по-приятельски общается с ненавистным Верховным демоном! Подвергает опасности благородных единомышленников своим пребыванием среди них. Но есть такой блистательный выход – спасти друзей и весь мир. Уменьшить зло. Как можно отказаться?!

Темный правитель Рэйма появился на балконе храма, когда траурная процессия с воющими плакальщицами и кривляющимися мимами уже давно удалилась за город. К месту сожжения. Смолкли трубы.

«Интересно, где именно сейчас находится Юлий? Далеко уехать беглецы не могли, но там у них ранний вечер, а здесь уже почти темно. Впрочем, возможно, магическая завеса над городом глушит солнечные лучи...» – Демон шумно вдохнул витающий в воздухе дымок, про-

питанный ароматными маслами. Развернулся и пошел вглубь храма, где верховный жрец уже два часа ждал его аудиенции.

Гранитный зал был освещен несколькими факелами. Их красный свет играл на черном полированном камне стен и не мог рассеять густые тени, шевелящиеся за колоннами. Не'лкатур сидел на низком табурете перед тронном Повелителя, низко опустив бритую голову. То ли спит, то ли умер. С тонких желтоватых пальцев свисают длинные четки – золотые фигурки людей нанизаны на шнурок. Багровое одеяние широкими складками лежит на худом теле. На затылке виден длинный красный шрам.

Едва Высший вошел, жрец вскочил, склонился в глубоком поклоне и не разгибался до тех пор, пока тот не опустился на свое место.

– Ну? – недовольно осведомился Некрос, небрежным жестом позволяя Не'лкатуру сесть. – Что там у тебя?

– Господин, тело императора готово к сожжению. Вы не возложите на него свой магический огонь?

Время от времени Некрос осчастливливал правящую семью – лично сжигал мертвых родственников. Выглядело это весьма эффектно. С ночного неба падало красное пламя, накрывало деревянный настил и груды поленьев, на которых лежал покойник. В пляске багровых огней угадывались лица, фигуры, здания, тайные знаки и символы. Ходили слухи, что по ним можно читать будущее.

– Не возложу, – буркнул демон.

Жрец в затруднении пошевелил четками и решился напомнить:

– Но, повелитель, тогда...

– Тогда народ решит, что император не был отмечен моей милостью. И будет прав.

Не'лкатаур деликатно помолчал, опасаясь раздражать темного, но все же осторожно произнес:

– Господин, Клавдий ждет, когда вы официально объявите его императором.

– Я не собираюсь объявлять его императором. У меня есть другая кандидатура...

Жрец удивился, но не показал этого. Привык к непостоянству правителя.

– Кто, позвольте узнать? Лурия Лолла, сестра наследника?

– Лурия Лолла – глупая собачонка! – Рывкнул Некрос, стукнув кулаком по подлокотнику. – Но она пригодится... чуть позже. Все. Убирайся!

Низко кланяясь и пятясь задом, служитель поспешил удалиться из тронного зала.

Высший был готов подождать. Недолго. Щедро посеянные семена сомнения, страха за друзей и желания власти в хорошем смысле этого слова вот-вот должны были дать всходы. Или он ничего не понимает в людях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.